

ПОБЕДИТЕЛЬ ПРЕСТИЖНОЙ ПРЕМИИ LONGMAN-HISTORY TODAY
В НОМИНАЦИИ «ЛУЧШАЯ КНИГА 2014 ГОДА»

КОЛДЕР УОЛТОН

БРИТАНСКАЯ

РАЗВЕДКА

ВО ВРЕМЕНА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

СЕКРЕТНЫЕ
ОПЕРАЦИИ
МИ-5
и МИ-6

Содержательная,
смелая и острая книга автора,
который знает мир разведки не понаслышке.
Обязательна к прочтению!

The Tablet

Колдер Уолтон Британская разведка во времена холодной войны. Секретные операции МИ-5 и МИ-6

ABBYY PDF Transformer+

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17409754

*Британская разведка во времена холодной войны. Секретные операции
МИ-5 и МИ-6 / Уолтон К. Пер. с англ. Л.А. Карповой.: Центрполиграф;*

Москва; 2016

ISBN 978-5-227-06483-7

Аннотация

Известный ученый К. Уолтон представляет тайную историю конца Британской империи и участие в этом процессе британской разведки. Автор дает панорамный обзор секретных действий правительства: от шпионажа времен войны в пустынях Северной Африки до сомнительных закулисных контактов с африканскими диктаторами, от карательных акций против повстанческого движения в джунглях Малайи, Кении и горах Кипра до военных действий в Палестине и на Аравийском полуострове. Уолтон раскрывает заговоры ЦРУ и тайную деятельность в британских колониях, убийства от рук агентов КГБ и неудавшиеся

перевороты, спонсируемые правительствами Великобритании и США на Ближнем Востоке, главной целью которых было овладеть нефтью и другими природными ресурсами. Книга основана на недавно рассекреченных документах разведки и частных собраниях из целого ряда архивов.

Содержание

Словарь сокращений	7
Предисловие	10
Глава 1	38
Принцип «трех миль»	84
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Колдер Уолтон Британская разведка во времена холодной войны. Секретные операции МИ-5 и МИ-6

Посвящается Дженнифер

*Мы совершенно беспристрастны; мы следим за
всеми.*

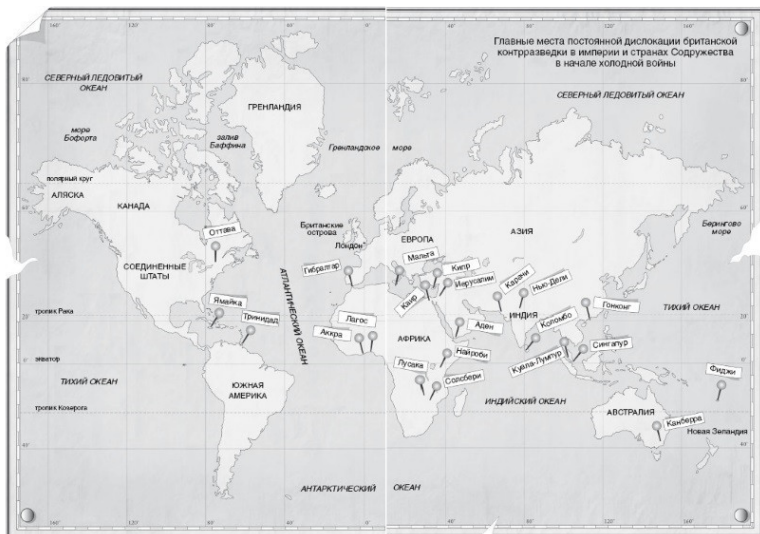
*Герберт Моррисон, министр внутренних дел
Великобритании (февраль 1941 г.)*

CALDER WALTON

EMPIRE OF SECRETS

BRITISH INTELLIGENCE, THE COLD WAR AND THE
TWILIGHT OF EMPIRE

Copyright © Calder Walton 2013

Словарь сокращений

Абвер – военная разведка и контрразведка Германии в 1919–1944 гг.

ASIO – Австралийская организация безопасности и разведки – внутренняя разведслужба Австралии.

ASIS – Австралийская секретная разведывательная служба – служба внешней разведки Австралии.

CIA – Центральное разведывательное управление – американское агентство по сбору внешних разведданных.

CID – Управление уголовных расследований – департамент Скотленд-Ярда.

CPGB – Коммунистическая партия Великобритании.

DIB – разведывательное бюро в Дели – служба разведки Индии до обретения независимости.

DSO – офицер по вопросам обороны и безопасности – офицер связи МИ-5 в колонии Великобритании или стране Содружества.

FBI – Федеральное бюро расследований – правоохранительные органы США.

GC&CS – Правительственная школа кодов и шифров – английское правительственное ведомство, занимавшееся перехватом и дешифровкой сообщений до и во время Второй мировой войны.

GCHQ – Центр правительственной связи – переименован

ная после Второй мировой войны спецслужба Великобритании, ответственная за ведение радиоэлектронной разведки и обеспечение защиты информации органов правительства и армии.

HOW – ордер министерства внутренних дел – механизм

МИ-5, обеспечивающий перехват почтовых отправлений и телефонных разговоров.

HUMINT – агентурная разведка.

IB – разведывательное бюро – разведслужба Индии, другое название DIB.

IPi – Индийская политическая разведка – спецслужба, существовавшая в Лондоне до обретения Индией независимости, ответственная за ведение разведки в Индии.

JCS – Объединенный центр разведывательных служб – «высокий стол» британской разведки.

LCS – Лондонский отдел контроля.

LIC – местный разведывательный комитет – региональная разведывательная организация в колониях, сформированная по совету МИ-5 в начале холодной войны.

MI5 – британская спецслужба, занимающаяся контрразведкой, борьбой с подрывной деятельностью и саботажем на территории Великобритании.

MI6 – секретная разведывательная служба, отвечающая за сбор агентурных данных с территорий за пределами Великобритании.

NSA – Агентство национальной безопасности – учрежде-

ние, занимающееся радиотехнической разведкой в США.

RCMP – Королевская канадская конная полиция – правоохранительный орган Канады.

SAS – парашютно-десантные части особого назначения Великобритании.

Security Service – МИ-5.

SIFE – Служба обеспечения безопасности на Дальнем Востоке – подразделение МИ-5 на Дальнем Востоке.

SIGINT – радиотехническая разведка.

SIME – Служба обеспечения безопасности на Ближнем Востоке – подразделение МИ-5 на Ближнем Востоке.

SIS – Секретная разведывательная служба – британская служба внешней разведки.

SLO – офицер связи по вопросам безопасности – офицер связи МИ-5 в колониальной стране или стране Содружества.

Предисловие

В тяжелые времена Великобритании склонна больше – не меньше – полагаться на шпионов. Вся история ее империи побуждала делать это. Чем больше сокращаются ее торговые пути, тем больше тайных усилий она прилагает к тому, чтобы защитить их. Чем больше ослабевает ее колониальная хватка, тем отчаяннее ее подрывная деятельность, направленная против тех, кто стремится ее ослабить.

Джон Ле Карре. Достопочтенный школяр¹

Холодным апрельским утром 1947 г. женщина-террористка вошла в главное здание министерства по делам колоний в Лондоне. Вежливо спросив у охранника, можно ли ей ненадолго укрыться здесь от холода на улице, она поставила огромную бомбу, состоящую из двадцати четырех брикетов динамита, обернутых в газету, в туалете на нижнем этаже, затем спокойно вышла на оживленную улицу и затерялась в толпе. В тот момент ее личность была неизвестна ни полиции, ни МИ-5, а она между тем работала на террористическую ячейку в Великобритании, которая относилась к «банде Штерна» – одной из двух основных полувоенных организаций, воевавших против Великобритании в Палестине. Взрывчатку для бомбы ей передал другой участник банды, известный как «спец по динамиту», которому

удалось контрабандой провезти динамит в Великобританию, в своем ножном протезе. Целью этих агентов и других ячеек «банды Штерна», действовавших в Великобритании, было использовать насилие, чтобы заставить правительство Великобритании создать независимое еврейское государство в Палестине.

Еще до этого инцидента МИ-5 уже была приведена в состояние боевой готовности на предмет проведения в стране возможных террористических актов. В свете все более тревожных сообщений от своих источников на Ближнем Востоке, предупреждающих о том, что еврейские полувоенные отряды планируют распространить свою «войну» с Великобританией из Палестины в саму Великобританию, МИ-5 развернула интенсивное наблюдение за известными радикальными еврейскими и сионистскими группами в Великобритании. Расследования МИ-5 обнаружили ряд террористических ячеек, действующих в Лондоне, члены которых планировали осуществить серию взрывов и убийств ведущих английских политиков. В 1946 г. глава МИ-5 сообщил премьер-министру, что он и члены кабинета министров являются целями террористов. В тот же год другая террористическая ячейка провела кампанию по отправке писем, начиненных взрывчаткой, в отношении всех членов британского кабинета министров. Все бомбы, оказавшиеся потенциально смертельно опасными, были успешно перехвачены.

Бомба, оставленная в министерстве по делам колоний,

была замечена лишь после того, как по чистой случайности не взорвалась из-за неисправного таймера. Если бы она взорвалась, то в центре Уайтхолла была бы кровавая бойня и хаос, вероятно, такого же масштаба, как и после нападения другой военизированной группы, под названием Иргун, боровшейся с британцами в Палестине, которое произошло в Иерусалиме в июле 1946 г. Тогда была взорвана гостиница «Царь Давид» и погиб девяносто один человек.

Как только бомба в министерстве по делам колоний была обнаружена, немедленно по всей Европе начался розыск женщины, принадлежавшей к «банде Штерна», который возглавили МИ-5, МИ-6 и Лондонский особый отдел. В конечном счете она была арестована в Бельгии. Сотрудники МИ-5 также установили личности членов группировки Иргун, действовавших в Великобритании, за которыми было установлено наблюдение или они были арестованы. Однако руководитель группировки Иргун оставался на свободе и продолжал строить планы нападения на британцев как в Палестине, так и в Европе. Его звали Менахем Бегин. Впоследствии он стал шестым премьер-министром Государства Израиль и лауреатом Нобелевской премии мира².

Этот эпизод лишь один из огромного числа замечательных и в основном неизвестных операций по обеспечению безопасности, в которых были заняты разведывательные службы Великобритании в период, последовавший сразу же

за окончанием Второй мировой войны, когда Британия начала терять свою империю. О нем стало известно лишь недавно из рассекреченных документов разведки, и это не только добавляет новую главу к истории начала холодной войны, но и имеет ужасный современный резонанс. Представляя собой поразительную аналогию с современным миром, он демонстрирует, что проникновение и укоренение террористического меньшинства с Ближнего Востока произошло в Великобритании более полувека назад. На самом деле, как показано в этой книге, после Второй мировой войны главная угроза государственной безопасности Великобритании исходила не от Советского Союза, как можно было бы предполагать, а от ближневосточного терроризма. Однако террористы в те времена принадлежали не к палестинским и исламистским группам, как в конце XX в. и в настоящее время, а к еврейским (или «сионистским») экстремистам. Как утверждал Нил Фергюсон, терроризм – это первородный грех Ближнего Востока³.

В этой книге изложена тайная, в основном нерассказанная, история конца Британской империи – крупнейшей империи в мировой истории; это первое исследование, посвященное участию в этом британской разведки. Подобно самим британским разведслужбам, она предлагает глобальный ракурс: служба, ответственная за безопасность в империи, – МИ-5 присутствовала везде, где создавалась угроза британской государственной безопасности. В начале холодной вой-

ны это касалось почти всех территориальных владений Великобритании. Книга дает панорамный обзор упадка Британской империи после 1945 г. и тайных действий британского правительства, с ним связанных. Темы, в ней обсуждаемые, варьируют от шпионажа времен войны, проводимого в пустынях Северной Африки, до сомнительных закулисных контактов с африканскими диктаторами, от карательных акций против повстанческого движения (или «чрезвычайных ситуаций») в джунглях Малайи и Кении и горах Кипра до военных действий в городах Палестины и Аравийского полуострова. Книга раскрывает заговоры ЦРУ и тайные действия в британских колониях, убийства от рук агентов КГБ и неудавшиеся государственные перевороты, спонсируемые правительствами Великобритании и США на Ближнем Востоке, главной целью которых было овладеть нефтью и другими природными ресурсами.

Разведка – это «недостающее измерение» истории конца Британской империи (или «деколонизации», как его называют историки), которое произошло за два десятилетия после 1945 г. Деятельность британских разведывательных служб, и это весьма заметно, отсутствует почти во всех историях того периода. Причину этого вполне можно понять. Во время быстрого выхода Британии из пределов своей империи британское правительство лишь молчаливо признавало существование МИ-5 и не признавало официально существование ни SIS, ни GCHQ. Это означало, что не существовало

официальных разведывательных документов, которые могли бы изучать историки, – очевидно, правительственные департаменты не могли выпускать такие документы, если сами департаменты официально не существовали. Поэтому любые упоминания о разведке были тихо и аккуратно исключены из учебников истории⁴.

Но если историки в прошлом были лишены официальных документов, рассказывающих о британской разведке и конце империи, в настоящее время все обстоит иначе. Разведслужбы Великобритании наконец вышли из тени. В конце 1980-х гг. правительство Великобритании наконец перестало отрицать существование своих разведслужб и впервые придало им законную основу – МИ-5 в 1989 г. и SIS и GCHQ в 1994 г. Разведывательные службы за последние годы наконец вышли из исторического небытия и признали, что у них на самом деле есть прошлое. В 1992 г. правительственные департаменты выступили с так называемой Уолдгрейвской инициативой по открытому правительству, благодаря которой независимые историки приняли участие в пересмотре и рассекречивании правительственных документов, включая документы разведслужб. С тех пор британские разведслужбы реально приступили к рассекречиванию документов. Это означало, что эта книга и другие подобные ей книги смогут наконец способствовать тому, чтобы тайные службы Великобритании заняли в истории место, которое они заслуживают. На самом деле результатом процесса рассекречивания пра-

вительством документов является то, что в настоящее время есть слишком много разведывательных документов, имеющих отношение к Британской империи, которые еще предстоит изучить⁵.

Несмотря на беспрецедентный объем документов, которые стали доступны в последние годы, подавляющее большинство историков конца Британской империи продолжают игнорировать роль британских разведывательных служб. Даже самые громкие из недавно опубликованных историй этого периода зияют пробелами, когда речь заходит о роли разведслужб. Эти пробелы выглядят еще более странными с учетом того, что почти в каждой истории Второй мировой войны упоминаются успехи союзнических специалистов по взламыванию шифров в Блетчли-парке, которые «раскололи» головоломный немецкий шифр, известный британцам как операция «Ультра». Однако едва ли есть история конца Британской империи (или действий Великобритании в холодной войне), в которой упоминается послевоенный преемник Блетчли-парка – GCHQ (Центр правительственной связи). Нам предлагают считать, что британские дешифровальщики резко перестали работать в 1945 г. Конечно же этого не произошло, и неудивительно. Играя далеко не последнюю роль в послевоенной истории, британские разведслужбы на самом деле были так же активны в годы после 1945 г., как и во время войны. Фактически с самого начала XX в. они активно работали за кулисами, невидимые для обще-

ственности, как и в настоящее время, во многих странах, которые раньше входили в Британскую империю. Памятуя об этом, основное содержание этой книги можно сформулировать кратко: она доказывает, что нынешнее состояние истории конца Британской империи таково, каково было состояние истории Второй мировой войны до раскрытия тайны «Ультра». Если мы будем игнорировать роль разведки, наше понимание заката Британской империи в лучшем случае неполно, а в худшем – имеет глубокие изъяны⁶.

Невозможно понять, как и почему британская разведка была вовлечена в зачастую насильственный уход Британии из своей империи после 1945 г., если сначала мы не разберемся с глубинными причинами того, почему страна отказалась от своей имперской политики. Следует предупредить читателей о том, что это огромная тема, которая имеет столько же различных толкований, сколько и историков. Точно указать, в какой момент начался закат Британской империи, – вот главная головоломка, относительно которой историки не могут сойтись во мнениях. Некоторые доказывают, что он начался в начале XX в. со Второй англо-бурской войны в Южной Африке в 1899–1902 гг., когда Британии потребовалось больше времени, чем предсказывали, и 45 тысяч солдат, чтобы одержать победу над восставшими фермерами в колонии. Другие датируют его Второй мировой войной, в частности Атлантической хартией, принятой в августе 1941 г., и тогдашней программой ленд-лиза, по которой

Соединенные Штаты обеспечивали Великобританию насущно необходимыми боеприпасами и военной техникой. И та и другая означали, что Вашингтон мог диктовать Великобритании и ее империи будущее после войны. Третьи полагают, что решающим моментом был приход к власти 1945 г. нового лейбористского правительства, которое занялось реформой местного управления в британских колониях. Есть и такие, которые считают, что закат империи произошел гораздо позже и начался со злополучного Суэцкого кризиса в 1956 г. На самом деле, вероятно, невозможно точно выделить одно событие, которое символизирует конец имперской власти Британии, хотя если бы мне пришлось выбирать такое событие, то я бы, наверное, выбрал Суэцкий кризис, который по причинам, изложенным в этой книге, стал унижительным провалом для Британии и открыл, что она уже не является главной мировой державой⁷.

Тем не менее из всего написанного за многие годы по поводу того, почему Великобритания поспешно ретировалась из своей империи в послевоенные годы, можно понять, что все объяснения историков четко делятся на четыре категории. Одно объяснение дают историки – сторонники концепции борьбы за независимость, которые утверждают (и в этом нет ничего удивительного), что «борцы за свободу» от колониализма несут ответственность за насильственное изгнание англичан из своих колоний. Второе объяснение строится на экономической необходимости: из Второй мировой войны

Великобритания вышла разоренной, перед ней стоял колоссальных размеров финансовый кризис, и в течение двух десятилетий после 1945 г. она была вынуждена урезать расходы на оборону как раз в то время, когда ее военные обязательства в заморских колониях выросли. Как выразился историк Пол Кеннеди, Великобритания в 1945 г. испытывала чрезмерное напряжение в связи со своими имперскими обязательствами и была вынуждена отказаться от колоний, потому что не могла себе позволить сохранять их и дальше. Третье толкование – это отсутствие желания: Великобритания победила в 1945 г., но затем стала терять общественный порядок и не желала больше содержать колониальную империю. Четвертое объяснение состоит во внешнем давлении: после 1945 г. правительство Великобритании подверглось нападкам на международной арене за свою колониальную политику – отвратительный анахронизм в послевоенном мире, который критиковали и Соединенные Штаты, и Советский Союз⁸.

Очень соблазнительно предположить, что в послевоенные годы статус Великобритании прямолинейно понижался от ведущей мировой державы до государства второго плана, но это не так. Даже ярлык «процесс», навешенный на британскую деколонизацию, вводит в заблуждение, потому что он подразумевает, что это была запланированная программа. Однако так кажется, только когда смотришь назад в прошлое. Ликвидация империи никогда не была записана где-то

как целенаправленная политика ни министерством по делам колоний, ни каким-либо другим правительственным департаментом. Предположить, что Великобритания каким-то образом победно пошла к просвещенному постколониальному будущему после 1945 г., значит читать историю задом наперед. На самом деле в очень немногих – если таковые были – официальных английских документах, имеющих отношение к антиколониальным движениям в конце 1940-х – начале 1950-х гг., говорится о «независимости». Вместо этого в них говорится о «самоуправлении», что означало: колонии начинают самостоятельно решать свои собственные дела, а Британия сохраняет контроль над их безопасностью, оборонной и внешней политикой.

Самоуправление для колоний означало не то же самое, что полная независимость. Когда в 1945 г. к власти пришло лейбористское правительство Клемента Эттли, оно пересмотрело прежнюю политику Великобритании на Ближнем Востоке, в основном чтобы бороться с посягательствами Советского Союза в этом регионе и перейти от военных баз и автократических режимов к режимам власти, больше опирающейся на широкие массы. Как незабываемо выразился министр иностранных дел Эрнст Бевин, Великобритания будет поддерживать крестьян, а не пашей. На первый взгляд это выглядит как приверженность демократическому правлению в империи, опирающемуся на широкие массы населения, что неизбежно должно было означать в конечном

счете независимость колоний. Однако передача Великобританией власти в Индии в 1947 г. и выход из Палестины в 1948 г. не возвестили распад империи под напором приливной волны демократического национально-освободительного движения. Правительство Эттли фактически вставляло палки в колеса колониального освобождения везде, где только можно. В период между 1948 и 1959 гг. только три колонии получили независимость от Великобритании – Судан (в 1956), Золотой Берег (теперь Гана. – *Пер.*) и Малайя (обе страны в 1957), и некоторые британские официальные лица гораздо дольше пренебрежительно относились к идее уступить колониям больше власти, чем мы можем себе представить. Министр внутренних дел в годы войны Герберт Моррисон утверждал, что дать колониям самоуправление, не говоря уже о независимости, – это все равно что дать десятилетнему ребенку «ключ от американского замка, банковский счет и оружие», в то время как другие говорили, хотя и риторически, о *возрождении* и *восстановлении* империи хотя бы как стратегии для одержания победы в холодной войне. Известный историк империи Джек Галлагер подчеркнул, что набор служащих на работу в министерство по делам колоний удвоился за десятилетие, прошедшее после 1945 г. В этом отношении Британская империя в послевоенные годы подвергалась преобразованиям и обновлениям, на нее не махнули рукой. МИ-5 отнеслась к своей ответственности за империю в годы холодной войны аналогичным образом, силь-

но расширив ее после 1945 г. И только по мере развертывания событий стало ясно, что ее реформы с целью усилить безопасность империи происходили в то время, когда Великобритания на самом деле теряла свою империю.

Вместо того чтобы следовать разработанной программе, «выход» Великобритании из империи был прагматическим откликом на события, в ходе которого министерство по делам колоний при поддержке МИ-5 пыталось путем переговоров добиться наилучшего результата для британского правительства в ситуации, зачастую уже вышедшей у него из-под контроля. Консерватор Гарольд Макмиллан, который был премьер-министром Великобритании в 1957–1963 гг. и при котором страна быстро «вышла» из империи, сделал известное саркастическое замечание о том, что политические решения принимались «из-за событий, дорогой мальчик, из-за событий». Как любят подчеркивать историки, было два крупных периода, в ходе которых события обрушились на Великобританию и ускорили конец империи: с 1945 по 1948 г. и с 1959 по 1964 г. Основное давление на британское правительство в оба этих периода оказывали США, ООН и великая антиколониальная империя на Востоке – Советский Союз⁹.

Темпы деколонизации Великобритании ускорились, когда в октябре 1959 г. Макмиллан назначил Иана Маклеода министром по делам колоний с наказом «решить вопрос». За два года пребывания на этом посту Маклеод эффективно ре-

шил эту задачу. В период 1960–1964 гг. в общей сложности семнадцать британских колоний получили независимость, и, как мы увидим, МИ-5 участвовала во многих случаях передачи власти. Маклеод заявлял, что он намеренно ускорил «выход» из колоний, чтобы избежать продолжительного насилия и большого кровопролития, какие имели место в Бельгийском Конго. Распад бельгийского правления в Конго в 1960 г. с последовавшими хаосом и резней был наглядным предупреждением британским политикам о том, как не надо «выходить» из империи. Один из преемников Маклеода на посту министра по делам колоний Дункан Сандис, который в 1962–1964 гг. стал еще одним великим ликвидатором империи, по выражению историка Дэвида Каннадина, сказал в июле 1964 г., что «у нас нет желания продлевать колониальные обязательства ни на день больше, чем это необходимо». Это высказывание ближе всего подводит нас к официальному провозглашению правительством Макмиллана «конца империи».

По мнению одного из самых известных историков конца Британской империи Рональда Хайама, именно внешнее давление, оказанное на британское правительство Соединенными Штатами Америки, Организацией Объединенных Наций и Советским Союзом, больше чем какая-либо другая причина объясняет, как и почему Великобритания отказалась от своей имперской роли. Как продемонстрировали Хайам и некоторые другие историки, геополитические ин-

тересы холодной войны формировали контекст и диктовали образ действий Великобритании. И все тот же контекст холодной войны лежит в основе участия британской разведки в деколонизации Великобритании. Как показано почти в любой истории этого периода, холодная война была в основном конфликтом разведок, в котором разведслужбы западных правительств и стран восточного блока противостояли друг другу и воевали на переднем крае. Один ветеран английской разведки – Майкл Херман – справедливо сказал, что во время холодной войны страны Запада и восточного блока полагались на оценки разведки (друг друга) в такой степени, которая не имела прецедента в мирное время. Учитывая связь, существовавшую между концом Британской империи и холодной войной, с одной стороны, и холодной войной и разведкой – с другой, нет ничего удивительного в том, что разведывательные службы Великобритании играли значительную роль в деколонизации страны¹⁰.

Эта книга добавляет новую главу к существующей истории последних дней Британской империи, а также к нашему пониманию холодной войны и истории международных отношений после 1945 г. На фоне холодной войны, то есть на фоне быстрого развала отношений между правительствами западных стран и Советским Союзом после 1945 г. и угрожающего призрака развала под эгидой советского КГБ ослабляющейся Британской колониальной империи, британская разведка сыграла решающую роль в том, что послевоенные пра-

вительства Великобритании передали власть независимым национальным государствам, разбросанным по всему земному шару. Секретным службам Великобритании пришлось иметь дело с чередой восстаний (или «чрезвычайных ситуаций») по всей империи, но в то же время они пытались поддерживать тесные связи с теми группами, которые зачастую яростно отвергали власть Великобритании. С учетом геополитических интересов холодной войны главным требованием, предъявляемым к Великобритании и ее союзникам, было предотвратить присоединение бывших колоний к числу государств – сателлитов Советского Союза. Так что британская колониальная разведка была на переднем крае холодной войны, отстаивая интересы Великобритании и ее главного союзника на Западе – Соединенных Штатов. Черода восстаний в колониях, которые пережила Великобритания перед концом своей империи, временами угрожала превратить холодную войну в горячую. В этом контексте так называемые особые отношения между Великобританией и Соединенными Штатами – много обсуждаемые особенно по эту сторону Атлантики, но во многом неправильно понимаемые – были опорой и движущей силой огромного количества операций колониальной разведки, к которым прибегла Великобритания в начале холодной войны. Когда в Великобритании один за другим разразились шпионские скандалы, особенно раскрытие «кембриджских шпионов» в 1951 г., давление из Вашингтона вынудило Лондон повысить критерии безопасно-

сти не только внутри страны, но и по всей колониальной империи.

Прежде чем идти дальше, будет полезно сказать несколько слов о терминологии. Одна из трудностей изучения истории разведки состоит в том, что подобно изучению правительственных учреждений вообще иногда идеи могут теряться в алфавитной мешанине аббревиатур, так что будет полезно на этом этапе классифицировать часть основной терминологии, которая будет появляться в этой книге. Существуют три главные службы, которые составляют разведку Великобритании: МИ-5, GCHQ и SIS. Служба безопасности, также известная как МИ-5, играет главную роль в этой книге. Это была не просто «внутренняя» разведывательная служба, как иногда думают, а разведывательная служба Британской империи, ответственная за вопросы безопасности (контрразведка, противодействие подрывной деятельности и саботажу) на всей территории Британской империи. Еще существует самая крупная, лучше всех финансируемая и засекреченная разведывательная служба Великобритании – Правительственная школа кодов и шифров (GC&CS), которая после 1945 г. была переименована в Центр правительственной связи (GCHQ). GC&CS несла, а GCHQ продолжает нести ответственность за перехват и расшифровку сообщений, входящих в сферу деятельности радиотехнической разведки (или SIGINT). В-третьих, существует служба внешней разведки Великобритании – Секретная разведыватель-

ная служба (SIS), известная как МИ-6, которая отвечала и отвечает за сбор агентурной информации (HUMINT) на территориях за пределами Великобритании по всему земному шару. Из той скудной информации, которую можно найти в доступных источниках, следует, что шпионские операции SIS проходили не так, как операции Джеймса Бонда – ее самого известного вымышленного сотрудника, а скорее так, как описывается на страницах романа Джона Ле Карре: нет никаких прав на убийство и высокотехнологичных приспособлений, есть седовласые мужчины в заполненных табачным дымом комнатах, склоненные над кипами желтеющих бумаг, которым женщины, похожие на экономок, регулярно подвозят чай на тележках.

Самым старшим звеном британского разведывательного сообщества тогда, как и сейчас, был Объединенный центр разведывательных служб (или JIC), который отвечал за упорядочение и проведение сравнительного анализа разведывательной информации, полученной от всех разведслужб (МИ-5, SIS, GCHQ), а также военной разведки (армейской, военно-морской и военно-воздушной), оценивая ее и передавая в высшие эшелоны британского правительства. Объединенный центр разведывательных служб не был разведывательным органом, *накапливающим* разведданные; он был предназначен для их *оценки*. В первые годы после своего возникновения перед Второй мировой войной он находился под контролем исключительно начальников военных шта-

бов. Однако когда после 1945 г. началась холодная война, и особенно после Суэцкого кризиса 1956 г., ЛС вышел из-под контроля военных и стал напрямую подчиняться гражданскому кабинету министров. Находясь на вершине разведывательного сообщества Великобритании внутри страны, ЛС также был центром сложной сети, объединяющей разведывательные службы империи и организации, занимающиеся оценкой информации, которая охватывала всю империю. Когда читаешь отчеты о том, как британская имперская разведка действовала в годы холодной войны, складывается впечатление, что это была превосходно отлаженная, хорошо смазанная машина. В реальности же она развивалась бессистемно и на бумаге выглядела лучше, чем действовала в жизни. Это выяснилось в результате неоднократных провалов разведки в британских колониях после 1945 г., когда руководители разведки не сумели раскрыть очаги антиколониальных восстаний в Палестине, Малайе, Кении, на Кипре и в Адене.

По крайней мере в теории британское разведывательное сообщество образовало сеть, охватывавшую всю империю, через МИ-5. Представители МИ-5, находившиеся в империи и странах Содружества, назывались офицерами связи по вопросам безопасности (SLO). До недавнего времени их деятельность была окутана секретностью, а их операции едва ли оставляли какие-то следы в официальных документах. После недавнего рассекречивания документов МИ-5 мож-

но увидеть, что эти офицеры связи по вопросам безопасности действовали из официальных британских резиденций в британских колониях и странах Содружества – иногда открыто, а иногда под прикрытием, маскируя свою принадлежность к МИ-5 под такими должностями, как второй секретарь посольства или атташе по культуре. Согласно Уставу Генерального директора МИ-5, работа SLO с правительством колонии состояла в том, чтобы обеспечивать «связь, предоставление внешних разведданных, обучение [и] оперативные консультации». Они напрямую отчитывались перед штаб-квартирой МИ-5 в Лондоне, и оттуда их отчеты – если их считали достаточно серьезными – могли быть переданы наверх, в ЛИС. Офицеры связи по вопросам безопасности также подчинялись региональным бюро МИ-5, таким как Служба обеспечения безопасности на Ближнем Востоке (SIME) со штаб-квартирой в Каире и Служба обеспечения безопасности на Дальнем Востоке со штаб-квартирой в Сингапуре, функцией которых было собирать региональные отчеты МИ-5, а также GCHQ и SIS и передавать самую важную информацию в ЛИС в Лондон. Когда началась холодная война, SLO из МИ-5 также должны были подчиняться и отвечали за связь с местными комитетами по разведке (LICs), которые возникли (в основном по наущению МИ-5) на некоторых колониальных территориях и в странах Содружества. В LICs заседали высокопоставленные местные должностные лица, и на их заседаниях часто председательствовал сам гу-

бернатор колонии, что означало: SLO из МИ-5 имели прямой канал связи со всеми самыми высокопоставленными чиновниками в британских колониях. Отчеты LICs также передавались в JC в Лондон, если их находили достаточно серьезными. Проблема была в том, что часто отчеты не считали достаточно серьезными, и они просто двигались вверх согласно иерархии, существовавшей в аппарате колониальной разведки, но не передавались в Лондон. Это стало источником многих провалов, которые пережила британская разведка в одной колонии за другой после 1945 г. Наконец, следует отметить, что основную работу по сбору разведывательных сведений в Британской империи в годы холодной войны проводили специальные отделы, входившие в состав полиции колониальных стран. МИ-5 совершенствовала работу колониальных особых отделов по мере эскалации холодной войны после 1945 г.

Эта книга взяла за основу все изобилие ранее рассекреченных разведывательных документов, которые лишь недавно стали доступны общественности. Их исследование, на которое ушло почти десять лет, основывалось преимущественно на документах МИ-5, что вполне оправдано с учетом того, что МИ-5 была разведкой Британской империи. Исследование включало чтение буквально сотен документов и досье МИ-5, многие из которых были в нескольких томах и насчитывали тысячи страниц. Как и документы МИ-5, документы JC помогли получить общее представление о том, что раз-

ведывательные органы считали угрозами Великобритании и ее империи в послевоенные годы. Эти документы оказались особенно полезными, так как в настоящее время SIS не выпускает документы из своих архивов, хотя недавняя официальная история Кейт Джеффри первых сорока лет существования SIS, как и официальная вековая история МИ-5 Кристофера Эндрю, все же дают понимание тех областей, которые все еще остаются скрытыми от историков. Помимо документов разведки, которые до недавнего времени были засекреченными и хранились под замком в секретных отделах Уайтхолла, я обращался к частным собраниям документов из ряда архивов. Вместе с беседами, проведенными с бывшими сотрудниками разведки, таким образом, стало возможным написать историю британской разведки, холодной войны и заката Британской империи.

Во время подготовки своей докторской диссертации в Кембридже, а затем при проведении последующих изысканий там же я получил волнующую возможность помогать Кристоферу Эндрю в его исследованиях официальной истории МИ-5, не имевших прецедента. Положение помощника дало мне привилегированный доступ к документам МИ-5 до их публикации. И тогда, во время подготовки своей докторской диссертации, и в ходе исследований для написания Кристофером Эндрю санкционированной истории МИ-5, я понял, что в подавляющем большинстве книг о конце Британской империи не раскрыта роль британской разведки. Все

документы, которые легли в основу этой книги, в настоящее время рассекречены и доступны для публики в Государственном архиве в Лондоне. Местами есть совпадения между этой книгой и официальной историей МИ-5, написанной Эндрю, но эта книга – более чем история одной разведывательной службы, будь то МИ-5, SIS или GCHQ. Это первая история, основанная на документах, участия всей британской разведки (я имею в виду все три эти службы) в закате Британской империи во время холодной войны.

Эта книга также повествует о серии ранее «потерянных» документов министерства по делам колоний, которые стали доступны публике лишь в апреле 2012 г., после того как одно дело в суде высокой инстанции вынудило правительство Великобритании признать их существование. Эти предположительно «вновь обнаруженные» бумаги, говорят, содержат некоторые из самых страшных документов, связанных с историей конца Британской империи, а рассказ о том, как они в конце концов увидели свет, представляет собой позорную главу в истории британского колониального правления – огромную «дымовую завесу».

В 2009 г. группа пожилых кенийцев возбудила дело в лондонском Высоком суде против правительства Великобритании из-за грубых правонарушений, якобы совершенных в отношении их, когда пятьдесят лет назад они были задержаны по подозрению в принадлежности к движению мау-мау во время «чрезвычайной ситуации» в колониальной Кении. В

ходе судебного разбирательства министерство иностранных дел и по делам Содружества (преемник министерства по делам колоний) было вынуждено сообщить о существовании 8800 досье, которые колониальные власти тайно изъяли из тридцати семи различных британских колоний по всему миру, включая Кению, Кипр, Аден, Палестину, Нигерию и Малайю, когда начался закат империи. Официальное объяснение того, почему эти документы были умышленно изъяты, состояло в том, что они могли «поставить в неудобное положение» правительство ее величества. В реальности дело было в том, что в них хранились некоторые из самых страшных секретов последних дней империи.

Первый тайный склад ранее «утерянных» документов, ставших доступными для публики лишь в апреле 2012 г., выявил, что правительство Великобритании намеренно уничтожало, отбирало и изымало изобличающие его документы из колоний, когда они подошли к порогу обретения независимости, чтобы не дать им попасть в руки новых правительств. Уничтожая и изымая эти документы, Великобритания тогда получила возможность насаждать вымышленную историю своей колониальной филантропии, в которой в отношении местного населения, возможно, и были случаи злоупотреблений, но они были исключениями, а не правилом. «Утерянные» документы министерства по делам колоний выявили, что такое утверждение – нонсенс. Похороны Британской империи были гораздо более кровавыми, чем

признавалось или предполагалось ранее¹¹.

Документы, которые не были намеренно уничтожены колониальными чиновниками в последние денечки империи, были переправлены в Великобританию и в конце концов оказались в совершенно секретном хранилище министерства иностранных дел в Хэнслоу-Парке неподалеку от Милтон-Кейнс в Бакингемшире, где они и оставались спрятанными в течение пятидесяти лет до того момента, когда Высокий суд (при помощи нескольких служащих министерства иностранных дел, решивших, что они должны увидеть свет Божий) вынудил опубликовать их. Официальное название Хэнслоу-Парка звучит нейтрально: «Центр связи ее величества». Но местным жителям он известен как «шпионский центр». Это секретное учреждение имеет долгую историю сотрудничества с британскими разведывательными службами: во время Второй мировой войны здесь размещалась Служба радиотехнической безопасности – подразделение SIGINT, известное как МИ-8, ответственное за обнаружение немецких шпионов, действующих в Великобритании. Мысль о том, что правительство могло «положить не туда» или «потерять» этот архив, так же скандальна, как и абсурдна. Документы по Кении, находившиеся в Хэнслоу-Парке, лежали в трехстах ящиках и занимали 110 футов полок. Благодаря делу кенийцев, представленному в Высокий суд, мы можем теперь увидеть, что Хэнслоу-Парк выступал в роли хранилища документов, раскрывающих подробности самых

позорных деяний и преступлений, совершенных в последние дни Британской империи¹².

Это первая книга, которая рассказывает об этом секретном архиве. На момент написания книги только первая волна документов из него была опубликована, но еще больше ждут своей очереди. Поэтому эта книга неизбежно является первой, но не последней, рассказывающей о тайнах, хранящихся в Хэнслоу-Парке. И хотя лишь первый транш этих документов – около 1200 досье – доступен читателям на момент написания этой книги, они все же раскрывают ряд ранее неизвестных ужасающих историй. Они показывают, что «устранение высокопоставленных террористов» было повторяющейся темой секретных ежемесячных отчетов, отсылаемых руководителем разведки в контролируемой Великобританией Малайе в 1950-х гг., что наводит на мысль о том, что Великобритания эффективно проводила там свою политику «стрельбы на поражение». Они также демонстрируют, что приходившие к власти одно за другим правительства Великобритании вводили в заблуждение парламент и общественность по поводу решения предоставить США военную базу на маленьком острове Диего-Гарсия в Индийском океане, а для того чтобы (буквально) подготовить для этого почву, Великобритания насильно выселила его обитателей из их домов. Эта печальная история имеет отклик ближе к настоящему времени: ту же самую базу на острове Диего-Гарсия США явно использовали в качестве перевалочного пункта в

рамках своей политики «чрезвычайной выдачи» в так называемой «войне с террором».

Помимо того что эта книга добавляет новое измерение к нашему пониманию и последних дней Британской империи, и холодной войны, она выявляет четкие и зачастую тревожные аналогии с современным миром. Помимо всего прочего она раскрывает, как западные правительства использовали разведку и злоупотребляли ею, описывает реальные ограничения, с которыми сталкивались не имевшие достаточных ресурсов разведывательные службы, и показывает ту тонкую грань между защитой безопасности и сохранением гражданских свобод – черту, которая в некоторых случаях была перейдена. Она рассказывает о ряде драматических шпионских скандалов, неупоминаемых в печати; показывает, что всего лишь полвека назад британское правительство вступало в заговоры со своими союзниками с целью осуществить «смену режима» на Ближнем Востоке и приукрашивало отчеты разведки, чтобы этого добиться; демонстрирует трудность выслеживания террористических ячеек, которые собирались сеять смерть и разрушение, и главную роль, которую играла разведка в борьбе с жестокими партизанами-повстанцами. Она также предлагает новую историю «выдачи преступников», выявив, что во время Второй мировой войны немецких агентов арестовывали в различных уголках Британской империи, а затем перевозили в засекреченные места для допросов в Великобритании, несмотря на признание

МИ-5 сомнительной законности этих действий. Эта книга предоставляет западающие в память свидетельства того, что во время нескольких послевоенных колониальных «чрезвычайных ситуаций» британские солдаты пытали задержанных во время допросов, несмотря на то что британской разведке было известно, что это приводит к обратным результатам и не дает достоверных разведданных. Основная мысль этой книги: повторения таких катастрофических неудач можно избежать только в том случае, если мы осознаем те, которые имели место раньше; или, как выразился Уинстон Черчилль, чтобы понять настоящее, не говоря уже о будущем, мы должны сначала оглянуться на прошлое.

Глава 1

Тайны Виктории: британская разведка и империя перед Второй мировой войной

Одно преимущество секретной службы состоит в том, что ей не нужно беспокоиться о проверке ее деятельности. Эта служба, безусловно, смехотворно нуждается, но деньгами распоряжаются несколько человек, которые не требуют расписок или представления отчетов по пунктам...

Он думал о грядущих годах, когда Ким вступит в Индии в Большую Игру, не прекращающуюся ни днем ни ночью.

Редьярд Киплинг. Ким¹

Правительства веками занимались шпионажем и сбором разведывательных данных. Действительно, сбор разведывательной информации – который часто называют второй древнейшей профессией в мире – так же стар, как сами правительства. В Великобритании секретная служба действовала по крайней мере со времен правления королевы Елизаветы I в XVI в., которой перед сэром Фрэнсисом Уолсингемом была поставлена задача собирать разведывательные сведе-

ния об испанской Армаде и раскрывать различные интриги и заговоры католиков. Однако лишь в XIX в. и, что еще более важно, в начале XX в. британское правительство начало выделять значительные средства на разведку и превращать ее в профессиональную чиновничью организацию. Несмотря на долгую историю тайной шпионской работы Великобритании, на самом деле сбор разведывательных данных быстрее всего развивался не внутри самого королевства, а в Британской империи, которая за XIX–XX вв. разрослась настолько, что стала величайшей империей во всемирной истории, и именно там разведка нашла для себя особенно важную роль².

С первых дней существования британского разведывательного сообщества, которое возникло в начале XX в., существовала тесная связь между сбором разведданных и империей. Не будет преувеличением сказать, что в первые годы своего существования британская разведка была британской *имперской* разведкой. И это неудивительно, если вспомнить, что разведка играла основную роль в управлении империей, которая к 1920-м гг. охватывала четверть территории и населения мира. После 1918 г., как гордо заметил один географ, империя достигла своей наибольшей протяженности, охватив «один континент, сотню полуостровов, пятьсот мысов, тысячу озер, две тысячи рек и десять тысяч островов». В империи существовали четыре вида зависимых территорий: колонии, протектораты, государства, находящиеся-

ся под попечительством, и вверенные территории. С одного конца этого диапазона колониями были территории вроде Кении, где монарх Соединенного Королевства имел абсолютную власть, тогда как вверенные территории, находящиеся на другом конце этого диапазона, вроде Палестины, были переданы Великобритании для управления по особому мандату. На деле зачастую было мало разницы между колониями и протекторатами. Министерство по делам колоний обычно называло территории под управлением «традиционных» правителей с британским министром-резидентом «государствами, находящимися под попечительством». Типология этих зависимых государств была невероятно запутанной (иногда даже для самого министерства по делам колоний).

Одной причиной того, что разведка играла столь важную роль в империи, была нехватка кадров, необходимых для таких огромных территорий. Даже в период расцвета правление Великобритании в Индии осуществляло невероятно малое число административных чиновников (аппарат государственной службы Индии в годы английского господства мог похвастаться в общей сложности всего лишь 1200 должностями) в то время как население Индии составляло, вероятно, около 280 млн человек. До 1939 г. индийская армия, насчитывавшая 200 тысяч человек, вместе с британским гарнизоном из 60 тысяч человек должна была обеспечивать мир на территории от Египта до Гонконга – британских землях «к востоку от Суэца», если пользоваться выражением тех

времен. С такими недостаточными ресурсами, имевшимися в распоряжении британцев, их правящая администрация в Индии нуждалась в современной и достоверной информации о своих врагах – и воображаемых, и реальных. Ее она получала через сеть информаторов и шпионов и путем перехвата сообщений. Ничего удивительного, что, как было сказано в одном исследовании, Британская империя в XIX в. была «империей информации»³.

Сбор информации также вышел на передний план британских военных кампаний в империи в конце XIX в. – начале XX в. Одна из самых воодушевляющих арен для деятельности разведки или проведения шпионских операций находилась на северо-западной границе Индии – в настоящее время это земли, пограничные с Пакистаном, – где викторианская Великобритания вступила в «большую игру» с Россией. Этот конфликт был незабываемо изображен Редьярдом Кипплингом в «Киме» – вероятно, одном из величайших шпионских романов всех времен. В этом романе Кипплинг описал «большую игру» как по сути своей конфликт разведок, который «не прекращается ни днем ни ночью» и в котором и Великобритания, и Россия засылали шпионов и информаторов с целью выявить намерения друг друга. Однако в реальности русские без труда выявляли агентов британской имперской разведки: те зачастую действовали чрезвычайно непрофессионально и использовали ненадежные прикрытия, выдавая себя то за коллекционеров бабочек, то за архео-

логов или этнографов. При этом именно в «большой игре» родились некоторые заметно более профессиональные формы сбора разведывательной информации, особенно в процессе, который позднее станет известен как радиотехническая разведка (SIGINT), перехват и дешифровка сообщений. В 1844 г. в индийской армии было создано одно из первых в мире постоянных дешифровальных бюро, которое добилось заметных успехов в чтении русских сообщений задолго до того, как это сделало какое-нибудь аналогичное европейское SIGINT-агентство. Британские военные также новаторски применяли разведданные во время своих кампаний в Египте в 1880-х гг., успешно используя шпионов и разведчиков для выявления местонахождения египетских вооруженных сил в пустыне⁴.

Сам процесс британской колониальной экспансии в викторианский период, особенно во время начала так называемой схватки за Африку в 1880-е гг., сделал необходимыми новые формы систематического сбора разведывательных данных, таких как топографическая съемка и перепись населения. Занимаясь этой деятельностью, Британия ничем не отличалась от своих соперников – обладателей империй того времени – Франции, России, Германии и Италии. Прежде чем какая-нибудь из колониальных держав смогла бы занять господствующее положение, управлять и эксплуатировать население колоний в Африке и других местах, она сначала должна была составить их карты. Но на практике про-

цесс составления карты империи часто игнорировал реальность. При составлении карт европейские геометрические шаблоны накладывали на аморфные ландшафты, проводя границы, которые разделяли племенные общины, этнические и лингвистические группы. По сей день нетрудно определить границы тех стран, особенно в Африке, которые были проведены европейскими картографами: многие из них идут под прямым углом и проходят через географические рельефы, разделяя этнографические группы. Иногда европейские державы перемещали и переселяли жителей колоний, чтобы *они* отражали этнографическую ситуацию на карте колоний. В «бремени белого человека» как представителя колониальной власти такие тонкие нюансы не имели значения⁵.

С учетом вышеизложенного далеко не совпадением является тот факт, что первая Дирекция военной разведки Великобритании, учрежденная в 1887 г., выросла из Департамента топографии и статистики военного министерства, который отвечал за картографирование большей части Британской империи. Более того, именно жестокая колониальная «маленькая война» на краю Британской империи – Вторая англо-бурская война, разразившаяся в Южной Африке в 1899–1902 гг., впервые подала правительству Великобритании сигнал о необходимости создания постоянной разведывательной службы. Так называемая Бурская война показала военачальникам Великобритании, начальникам штабов в Лондоне, насколько хрупки ее колониальные владе-

ния. Британским военным потребовалось гораздо больше времени (три года), чем ожидалось, и 45 тысяч солдат, чтобы разгромить группу восставших фермеров-буров голландского происхождения в колонии на мысе Доброй Надежды (в настоящее время Южная Африка), которые изматывали британскую армию партизанской войной. Следует отметить, что при подавлении этого мятежа британские военные разработали некоторые ужасающие приемы противодействия, в частности построили «концентрационные лагеря» или лагеря для интернированных, где «концентрировались» люди, подозреваемые в участии в восстании. Этот вид войны, когда различие между участниками боевых действий и невоюющими гражданскими лицами размыто, страшным эхом отозвался в XX в. Что же касается разведки, то тот вид нерегулярных боевых действий, с которым Великобритания столкнулась в Бурской войне, подобный тому, с чем имели дело другие европейские державы в своих собственных колониальных «маленьких войнах» – буквально «партизанских» по-испански, – выявил первостепенную необходимость эффективного сбора разведывательных сведений. Фактически во время Бурской войны британский офицер, подполковник Дэвид Хендерсон, написал важный документ для военного министерства в Лондоне «Полевая разведка: ее принципы и практика», который стал основой руководства – «Инструкции по ведению разведки в полевых условиях», опубликованной военным министерством в 1904 г. Это руководство

стало вдохновляющей идеей для создания Разведывательно-го корпуса британских сухопутных войск, основанного десятью годами позже в начале Первой мировой войны⁶.

Несмотря на долгую историю сбора разведывательной информации, переломный момент наступил в начале XX в. Отчасти в ответ на страхи относительно хрупкости британского колониального владычества, как показала Бурская война, но более конкретно – в результате страха перед растущей угрозой, которую представляла собой Германская империя, в октябре 1909 г. правительство Великобритании приняло важное решение – создать постоянный департамент, занимающийся сбором разведанных в мирное время. Это решение было принято Комитетом обороны империи, – и, что важно, это была оборона империи, которая привела к возникновению британских «шпионских агентств». Этот департамент, известный как «Бюро секретных служб», был разделен на два направления. «Внутреннее» направление МО-5(g) отвечало за разведку в целях обеспечения безопасности – контрразведку, борьбу с диверсиями и подрывной деятельностью. Во время Первой мировой войны МО-5(g) было переименовано в военную разведку 5, или МИ-5, а после войны еще раз – в Службу безопасности – и это двойное название (Служба безопасности и МИ-5) оно сохраняет и по сей день. Сэр Вернон Келл, отставной офицер Южного Стаффордширского полка, был генеральным директором МИ-5 с 1909 по 1940 г. – приблизительно треть ее существования на

сегодняшний день, и это был самый длительный срок пребывания на каком-либо руководящем правительственном посту в Великобритании⁷.

Тем временем «зарубежное» подразделение Бюро секретных служб, сначала известное как МИ-1С, во время Первой мировой войны было переименовано в военную разведку 6, или МИ-6. С той поры ее знают как МИ-6, или Секретную разведывательную службу (SIS), – она и по сей день сохраняет двойное название. Ее первым руководителем был сэр Мэнсфилд Камминг, офицер Королевского военно-морского флота, который рано ушел в отставку из-за плохого здоровья. По рассказам, он был замечательным человеком. В начале Первой мировой войны он отрезал себе ногу перочинным ножом, чтобы отползти подальше от места аварии своей машины. После этой автокатастрофы он был вынужден переселиться в инвалидную коляску, и его коллеги позже вспоминали, что он наводил ужас в коридорах власти Уайтхолла, на большой скорости вылетая из-за угла⁸.

Принимая решение о создании департамента профессиональной разведки в 1909 г., британское правительство с запозданием вступило в «разведывательную игру» по сравнению с другими европейскими державами, большинство из которых уже обзавелись такими департаментами в начале XX в. Во Франции «черный кабинет» (*cabinets noirs*), занимавшийся расшифровкой сообщений, появился в середине XIX в., в царской России существовала печально извест-

ная «охранка», а в Германии – специализированная разведывательная служба *Nachrichtendienst*, которая действовала по крайней мере со времен Франко-прусской войны в 1870 г. Великобритания с опозданием влилась в мир шпионажа ввиду сильного противодействия некоторых политиков времен королевы Виктории и короля Эдуарда, которые провозгласили разведку по своей природе «неанглийским занятием»: как говорится, джентльмены «не читают корреспонденцию друг друга», и слово *espionage* – даже неанглийское слово, как любили подчеркивать некоторые. Такую постыдную деятельность лучше оставить для континентальных держав, для которых она подходит⁹.

Создание двух служб, которые позднее станут известны как МИ-5 и SIS, представляло собой, по сути, разрыв со всей деятельностью по сбору разведывательной информации, проводимой до этого момента. Впервые правительство получило в свое распоряжение профессиональные разведслужбы, предназначенные для мирного времени. Функциональные различия между МИ-5 и SIS, особенно юрисдикционные споры о «внутренней» и «зарубежной» территории, оказались непростым вопросом, который был решен лишь в последующие десятилетия. Тем не менее решающим является то, что в отличие от всех действий разведки Великобритании по сбору разведанных, до этого момента после 1909 г. правительство получило независимую разведывательную бюрократию со своей канцелярией и картотекой,

которая собирала воедино информацию из всех источников, имевшихся в ее распоряжении. Если до этого британские военные и различные правительственные департаменты, вроде Индийского бюро, собирали разведывательные сведения и вели шпионскую работу для своих целей часто непродуманно, то службы, созданные в 1909 г., имели двуединую задачу – собирать и оценивать разведанные. Они также были «междепартаментными», то есть они должны были «обслуживать» все департаменты британского правительства, предоставляя им необходимую информацию. И хотя МИ-5 и SIS вышли из департамента военной разведки Великобритании (МО-5), они отличались от разведок вооруженных сил, которые не были «междепартаментными». Во всех трех видах вооруженных сил – сухопутных войсках, Королевском военно-морском флоте и Королевских военно-воздушных силах – продолжали существовать свои собственные разведки, но именно МИ-5 и SIS (а позднее GC&CS) обычно считают британскими разведывательными службами, или, говоря более обтекаемо, «британской разведкой». При образовании МИ-5 и SIS также впервые произошла градация секретной информации на секретную и совершенно секретную. Так, если департаменты правительства Великобритании до 1909 г. *собирали информацию* и продолжали делать это и впредь, то достижением для правительства стало то, что после 1909 г. оно впервые стало обладателем своих собственных *разведывательных служб*.

И по сей день МИ-5 и SIS сохраняют многое из того, что было у них в ходу на заре их деятельности. Для начальников SIS сохраняется обозначение «С», которое впервые было использовано сэром Мэнсфилдом Каммингом (*Cumming*) и понималось по-разному, являясь первой буквой то ли его фамилии, то ли слова «шеф» (*chief*). К другим традициям SIS, возникшим в самом начале ее деятельности и существующим в наши дни, относятся горящая зеленым светом лампочка над кабинетом С (указывающая на то, что С занят), особые зеленые чернила, которыми пишет только С, и повсеместное и иногда бессмысленное использование кодовых названий. Отчеты SIS по-прежнему называются «отчетами СХ», что, очевидно, означает «только для С». Аналогичная преемственность существует и в МИ-5. Термины «отложить» (P/A) и «найти» (L/U), например, можно увидеть на обложках бесчисленных рассекреченных документов МИ-5; они указывают, когда папка была найдена и отложена в находящийся в надежном месте шкаф. Оба этих термина использовал Келл вскоре после создания «бюро». Это же применимо и к термину «ничего криминального» (NRA), который имеет отношение к одному из самых важных, но наименее эффектного виду деятельности, которой офицеры МИ-5 занимаются со времен Келла: когда сотрудник МИ-5 нашел досье какого-то человека в центральном архиве службы, но не выявил в отношении его ничего криминального.

Помимо эксцентричных традиций и обозначений, МИ-5 и

SIS сохранили гораздо больше важных функций, унаследованных ими с более давних времен. С самого начала их деятельности было установлено, что ни одна из этих двух служб не будет иметь никакой исполнительной власти. В противовес правоохранительным органам, вроде Лондонского особого отдела в Скотленд-Ярде или ФБР в США, ни МИ-5, ни SIS никогда не имели полномочий арестовывать людей. Читатели, быть может, с разочарованием узнают, что у офицеров SIS никогда не было права убивать. Вместо этого МИ-5 и SIS всегда полагались на полицейские власти Великобритании, в частности особый отдел, которые проводили для них аресты. Это была умышленная стратегия со стороны начальников штабов и правительства Великобритании. Путем отделения сбора информации от обеспечения правопорядка, его охраны и исполнительских действий в большинстве случаев они надеялись избежать создания «полицейского государства», которое, как они опасались, возникнет, если у секретных служб будут полномочия проводить аресты. Они также, по-видимому, пришли к заключению, что охрана общественного порядка – совершенно другой вид деятельности, отличный от работы разведчика, который не обязательно связан с арестами или правоприменением. Сбор разведывательных сведений включает получение информации на опережение, профилактически – фрагментов информации из разных мест, которые могут стать когда-нибудь или не станут важными. Это различие между разведкой и охраной

правопорядка сохраняется по сей день и на деле является одной из причин, по которой ФБР в начале XXI в. считается плохо оснащенной для противодействия террористическим угрозам, которое требует проведения разведки на опережение, а не контроля за соблюдением порядка¹⁰.

Несмотря на заметную преемственность в истории МИ-5 и SIS начиная с 1909 г., было бы ошибкой предполагать, что за годы, прошедшие сразу за их созданием, они чем-то были похожи на службы, которыми впоследствии станут. Это миф, что еще с XVI в. «британская разведка», как и сама Британская империя, неуклонно наращивала свои размеры и влияние, запуская свои щупальца по всему миру. Этот миф берет начало главным образом у романистов времен короля Эдуарда типа Эрскина Чайлдерса, в чьих произведениях, таких как «Загадка песков», изображается могущественная разведывательная служба Великобритании, активно расстраивающая планы своих врагов как внутри страны, так и за ее пределами. Реальность была далека от таких выдумок. На протяжении многих лет после своего создания и МИ-5, и SIS отчаянно нуждались в денежных средствах. Дневник сэра Вернона Келла – первого руководителя МИ-5, прослужившего на своем посту дольше всех, – показывает, скольким опасностям подвергалось существование этой организации в самом начале. В годы перед Первой мировой войной МИ-5 и SIS выделялся мизерный бюджет. После начала войны в 1914 г. весь штат МИ-5 насчитывал пятнадцать человек, включая

сторожа офиса. Штат SIS был таким же малочисленным. В первую неделю пребывания на своем посту в 1909 г. первый директор SIS сэр Мэнсфилд Камминг с грустью записал в своем дневнике, что он сидит один в своем новом кабинете, в котором не звонит телефон, и никто к нему не заходит, потому что бюро слишком засекречено и не включено в список абонентов Уайтхолла. Во многом это была работа «одного человека с собакой»¹¹.

Первая мировая война привела к быстрому росту аппарата тайного государства Великобритании точно так же, как и аналогичные службы во всех других воюющих европейских странах. На самом деле справедливым будет сказать, что война была событием, которое создало государственную безопасность в ее современном виде. Каждое воюющее государство создало беспрецедентную систему слежки, а тяготы «тотальной войны», на ведение которой были мобилизованы все ресурсы страны, повлекли за собой значительное повышение мер безопасности и расширение слежки как в Великобритании, так и по всей империи. Тотальная война требовала тотальной слежки. Все воюющие правительства были обеспечены колоссально разросшимися полномочиями по задержанию и расследованию, особенно посредством перехвата корреспонденции. Штат МИ-5 разительно расширился после 1914 г., и горстка служащих, работавших накануне войны, превратилась в коллектив из 844 человек в 1918 г., из которых 133 человека были офицерами в противополож-

ность другим рангам; а ее центральная картотека, содержащая сведения о людях и организациях, разрослась с 17 500 файлов в 1914 г. до более 250 тысяч карточек и 27 тысяч персональных досье в 1918 г. Закон о защите королевства (DORA), принятый вскоре после начала боевых действий в 1914 г., дал МИ-5 и другим департаментам тайного государства Великобритании колоссально разросшиеся полномочия по ведению слежки. Это иллюстрирует тот факт, что в начале войны Управление почт имело в штате одного цензора, который мог перехватывать, вскрывать и анализировать корреспонденцию, а к ее концу штат цензоров разросся до 2 тысяч человек, каждый из которых вскрывал в среднем 150 писем в день. Также во время Первой мировой войны МИ-5 стала более чем просто «внутренняя» разведывательная служба, как иногда по ошибке все еще думают, и сделала заявку на то, чтобы стать имперской службой, отвечающей за обеспечение безопасности на всех территориях Великобритании, разбросанных по всему земному шару¹².

Первую мировую войну часто считают европейской войной, и такую точку зрения на нее подкрепляют известные военные стихи о Западном фронте, которые ярко передают ужасающие реалии окопной войны, когда тысячи людей отправляются на смерть в условиях, сходных с адом на земле. В реальности же с самого начала это была мировая война. В противоположность тому, что можно было бы ожидать, первые выстрелы, произведенные войсками Великобритании на

суше в этой войне, прозвучали не в Европе, а 12 апреля 1914 г. на немецкой радиостанции в Того, а вскоре после начала военных действий прусско-германский Генеральный штаб стал неуклонно придерживаться политики провоцирования революций и подрывных действий (она называлась *Revoluti-onpolitik*) в колониальных империях и «слабых местах» врагов Германии. В сентябре 1914 г. канцлер Германии Теобальд фон Бетман Гольвег сказал своему министру иностранных дел: «По-видимому, Англия решила вести войну до последнего... Таким образом, одной из наших главных задач является постепенно измотать Англию беспорядками в Индии и Египте». Показательно, что, если британцы использовали выражение «Великая война», немецкие военные с самого начала говорили о «мировой войне» (*Weltkrieg*)¹³.

В 1914 г. в Генеральном штабе Германии был создан новый отдел – Агентство восточных новостей (*Nachrichtenstelle fur den Orient*), которое было придано министерству иностранных дел под руководством прусского аристократа, археолога и исследователя Макса фон Оппенгейма. Рассказы о подвигах Агентства восточных новостей Оппенгейма читались как фантастические истории о подлых заговорах Германии с целью возбудить беспорядки в Индии, которые можно найти в классическом шпионском романе времен войны Джона Бакена «Зеленый плащ» (1916). Бакен описывает дьявольский план, разработанный центральными державами с целью спровоцировать восстания на Ближнем Востоке.

ке и Индии, расстроить который выпадает его героям – майору Ричарду Хэннею и его другу Сэнди Арбутноту, полиглоту и мастеру причудливой маскировки. На самом деле сюжет Бакена был не настолько нелеп, каким автор нарочно его сделал. Бакен служил военным корреспондентом и недолго – офицером военной разведки в британской штаб-квартире во Франции, где он имел доступ к разведывательным документам. Его роман в какой-то степени был выдумкой, но не по своей сути¹⁴.

Реальность была такова, что перед войной Германия тщательно развивала связи с Турцией и другими ближневосточными странами, которые выступали в роли ворот в Британскую Индию. С 1890-х гг. император Германии – кайзер Вильгельм II финансировал строительство железной дороги Берлин – Багдад и во время поездки в Дамаск в 1898 г. дошел до того, что объявил себя «защитником» всех мусульман, хотя неясно, какая на это была реакция. Разведывательное бюро Оппенгейма отвечало за подстрекательство к восстанию среди врагов Германии и в разные периоды во время войны финансировало французских пацифистов и мексиканских националистов и превосходно – или постыдно, в зависимости от точки зрения, – помогало русскому эмигранту по имени Владимир Ильич Ульянов, широко известному под псевдонимом Ленин, вернуться в Россию в апреле 1917 г. с достаточными средствами в запломбированном бронированном вагоне и вскоре после приезда успешно раздуть рево-

люцию против Временного правительства. Нет никаких доказательств, что сам Ленин был немецким шпионом, но, безусловно, Агентство Оппенгейма оказывало ему финансовую поддержку – хотя, очевидно, сам Ленин стал бы доказывать, что это он играл с разведслужбами Германии, а не наоборот. Тем не менее во многом революция большевиков была величайшим успехом германской разведки в военное время. Между тем главными мишенями Агентства Оппенгейма в Британской империи были индийские и бенгальские националисты, ирландские республиканцы и арабские джихадисты¹⁵.

5 ноября 1914 г., вскоре после начала боевых действий, Османская империя вступила в войну на стороне Германии, и в основном в результате давления со стороны правительства Германии турецкий халифат издал фетвы, предписывающие всем мусульманам начать священную войну (джихад) против Великобритании и ее союзников. Документы военного министерства Великобритании раскрывают степень озабоченности начальников штабов в Лондоне подрывной деятельностью в индийской армии, треть солдат которой была мусульманами. Не остался без внимания ни начальников штабов, ни МИ-5 тот факт, что приблизительно половина из тогдашних 270 миллионов мусульман жила под властью либо Великобритании, либо России, либо Франции¹⁶.

В начале войны Индия была единственной частью Британской империи, с которой МИ-5 поддерживала непосред-

ственный контакт, обмениваясь информацией с начальником Уголовного розыска (DCI) в Дели – майором Джоном Уоллингером. Раньше главная ответственность за отношения с индийскими «бунтовщиками» или «революционерами» (членами организации «Гхадр») падала на Лондонский особый отдел, но в ходе войны МИ-5 стала все больше занимать ведущее положение в отношениях с индийскими революционерами в Великобритании. После 1914 г. министерство иностранных дел Германии создало в Берлине «Индийский комитет», который вращался вокруг сосланного индийского ученого и юриста Вирендраната Чатопадайи, который стал революционером, когда изучал юриспруденцию в «Миддл темпл» в Лондоне, и был доверенным лицом человека, который позднее станет первым вождем независимой Индии, – Джавахарлала Неру. Один из агентов Чатопадайи в Великобритании времен войны Хариш Чандра был выявлен МИ-5 благодаря перехваченной корреспонденции и допрошен офицерами МИ-5 в октябре 1915 г. Они убедили его выступить в роли двойного агента, и он надлежащим образом передавал значительные объемы информации о заговорах Германии в Индии. МИ-5 и начальников штабов обнадежило то, что сведения, переданные Чандрой, говорили о том, что министерство иностранных дел Германии строит все более нереалистичные и далеко идущие планы, касающиеся подрывной работы в Индии. Перехват писем 138 тысяч индийских солдат, служивших на Западном фронте, тоже убедил

МИ-5 и военное министерство, что среди тех солдат не было широкой поддержки ни революционеров, ни панисламизма, хотя один цензор все же доложил о тревожной тенденции среди них писать стихи, которую он счел «зловещим признаком душевного беспокойства». Было решено, что лучшая стратегия – дать возможность министерству иностранных дел Германии продолжать тратить свое время, деньги и энергию на бесплодные планы подрывной деятельности в Индии¹⁷.

Главным экспертом МИ-5 по Индии в военное время был Роберт Натан, который поступил на службу в ноябре 1914 г., до этого проведя двадцать шесть лет на государственной службе в Индии, а также побыв заместителем ректора Университета Калькутты, прежде чем был вынужден уйти в отставку по состоянию здоровья. В МИ-5 Натан окружил себя ветеранами индийской армии, полиции и государственной службы. К 1917 г. подразделение G МИ-5, отвечавшее за расследования, насчитывало в общей сложности двадцать восемь служащих, восемь из которых до этого служили в Индии. Это была необычно большая группа ветеранов службы в Индии для любого департамента правительства Великобритании за пределами самой Индии. Одной из постоянных забот Натана в военное время были возможные политические убийства на британской земле. В июле 1909 г. член революционной индийской организации «Гхадр» убил сэра Уильяма Керзона Уайли, бывшего офицера индийской армии

и помощника госсекретаря по вопросам Индии, на ступенях министерства по делам Индии в Лондоне. Имея информацию, предоставленную двойным агентом Чандрой, МИ-5 опасалась, что подобные попытки могут быть предприняты во время войны. Ни один такой заговор не осуществился, но МИ-5 продолжала перехватывать и скрупулезно изучать корреспонденцию известных революционеров, живущих в Лондоне. Весной 1916 г. Натан поехал в США, где его разведка предоставила властям Соединенных Штатов большую часть доказательств, которую те использовали на двух главных судебных процессах, связанных с движением «Гхадр», первый из которых проходил в Чикаго в октябре 1916 г. и закончился признанием виновными трех его активистов. Второй суд, проводившийся в Сан-Франциско, дошел до драматической кульминации в апреле 1918 г., когда один из обвиняемых Рам Сингх насмерть застрелил руководителя организации «Гхадр» Рама Чандру Пешавари в центре зала суда. Начальник Специальной службы в Лондоне Бэзил Томпсон прокомментировал это так: «В Западных [Соединенных] Штатах такие происшествия не нарушают присутствия духа членов выездной сессии суда: помощник шерифа выхватил пистолет из своего кармана и со своего находящегося на возвышении места позади суда насмерть застрелил убийцу, целясь поверх и между мешавших ему голов»¹⁸.

Индийский национальный конгресс – политический орган, который позднее станет главной движущей силой анти-

колониального национально-освободительного движения в Индии, по-видимому, не привлекал к себе внимания МИ-5 или какой-то другой части британского разведывательного сообщества во время Первой мировой войны. Отчасти так было потому, что у конгресса во время войны не было существенных связей с Германией, а также потому, что до 1914 г. он представлял собой организацию чуть более серьезную, чем полемизирующее общество представителей среднего класса, собирающееся лишь время от времени. Ничто не предвещало, что после войны оно превратится в массовое движение, которое станет центром сопротивления британскому владычеству в Индии. Такое изменение судьбы Индийского национального конгресса произошло благодаря Мохандасу Карамчанду «Махатме» Ганди – барристеру, получившему английское образование в «Иннер темпл», который более чем кто-либо другой способствовал краху Британской империи в Индии спустя поколение. Тем не менее, оглядываясь назад, мы видим, что в довоенные и военные годы МИ-5 и руководство британской разведки в Индии проявили поразительное отсутствие интереса к Ганди. Когда в 1915 г. он вернулся в Индию из Южной Африки, где развивал приемы *satyagraha* (пассивного сопротивления), которые позднее использовал против британского господства в Индии, Департамент уголовного розыска в Дели охарактеризовал его как «ни анархист, ни революционер», а просто «причиняющий беспокойство агитатор, энтузиазм которого часто заставлял

его переступить границы законов Южной Африки по отношению к азиатам»¹⁹.

В связи с мировым масштабом войны в тот же самый год, 1915-й, начальники штабов Великобритании распорядились, чтобы в МИ-5 был создан отдел для борьбы с финансируемой Германией подрывной деятельностью в Британской империи. Этот новый отдел Д в МИ-5, возглавляемый офицером по имени Фрэнк Холл, быстро разрастался, так что к 1917 г. насчитывал уже девятнадцать служащих. Для прикрытия отдел Д носил название «Центральное бюро спецопераций», когда выходил на связь с правительствами колоний и стран Содружества. Согласно послевоенному докладу, составленному по отделу Д, в зону его ответственности входило проведение визовых проверок отдельных граждан, путешествующих по империи, и обеспечение колониальных правительств информацией об известных и предполагаемых немецких шпионах. К 1916 г. отдел Д наладил контакты с «властями, отвечающими за контрразведку, почти в каждой колонии». Однако в реальности во время войны МИ-5 не имела своих офицеров в британских колониях или на других зависимых территориях за рубежом. Вместо этого она выступала в роли организации по сбору, классификации и распространению информации в отношении разведки и подрывной деятельности Германии, поддерживая прямые личные контакты с рядом колониальных полицейских управлений, известных как «связи», и собирая воедино всю

информацию, которую она получала от этих связей по всей империи, в один реестр, который в 1917 г. насчитывал около 45 тысяч досье. К концу войны МИ-5 могла по праву похвастаться тем, что является обладательницей уникального, охватывающего всю империю каталога (указателя) разведывательной информации. Одним из явных проявлений ее разительно расширившихся обязанностей стали знаменитые «черные» списки немецких шпионов, которые были отправлены всем правительствам колоний и стран Содружества. Из одного тома в 1914 г. их объем вырос до весомого двадцати одного тома в 1918 г., куда входили 13 524 имени²⁰.

Самый известный пример попытки Германии финансировать подрывную деятельность в Британской империи вызвал британские меры противодействия, предпринятые теперь ставшим уже легендарной фигурой Томасом Эдвардом Лоуренсом, или Лоуренсом Аравийским, – оксфордским историком, археологом, картографом, лингвистом, разведчиком и опытным партизаном. Лоуренс и его коллеги – группа самопровозглашенных «диверсантов» – в 1914 г. создали так называемое Аравийское бюро в Каире, которое первым использовало партизанскую войну в борьбе с турецкими войсками, воюющими на стороне Германии и центральных держав на Аравийском полуострове. Во многих отношениях усилия Лоуренса и британских войск на Ближнем Востоке во время Первой мировой войны представляли собой первую современную разведывательную войну: контингент Лоуренса со-

единял разведданные, полученные от шпионов, с информацией, полученной посредством радиоперехватов, – эти в наши дни известны как агентурная (HUMINT) и радиотехническая разведки (SIGINT) соответственно. Использование воздушной разведки, в настоящее время известной как изобразительная (IMINT) разведка, также было впервые предпринято Королевским корпусом военно-воздушных сил в чистом небе над Аравийским полуостровом²¹.

Самым большим успехом Арабского бюро за его четырехлетнее существование в годы войны стало то, что ему удалось убедить военное министерство в Лондоне не отправлять экспедиционные войска в Аравию. Лоуренс и другие сотрудники Арабского бюро доказали, что постоянные британские войска, высаженные в Хиджазе – каменистой провинции на побережье Красного моря, неизбежно станут для арабов войсками вторгшихся на их территорию христиан, войсками «крестоносцев» со всеми катастрофическими последствиями, из этого вытекающими. Вместо этого Арабское бюро настаивало на том, чтобы англичане заключили союз с местной хашимитской династией, которая могла взять на себя основную ответственность за борьбу с центральными державами на Аравийском полуострове, которой Британия будет оказывать поддержку, обеспечивая разведку и ведя партизанскую войну. Именно так и случилось. Британский контингент, возглавляемый Лоуренсом, стал сотрудничать с шерифом Мекки Хусейном ибн Али, который утвер-

ждал, что ведет свой род от Мухаммеда и Адама, и провел ряд эффектных и успешных партизанских нападений на турецкие и германские войска на Синайском полуострове, осуществив отвлекающие нападения на железные дороги и отдельные гарнизоны в Хиджазе от Акабы до Аммана и Дамаска. В своем знаменитом повествовании о собственных ярких военных подвигах «Семь столпов мудрости» Лоуренс подчеркнул, что сбор разведывательных данных был ключом к успешной партизанской войне. «Передним краем партизанской войны, – писал он, – являются точные разведданные». Задача Лоуренса во время войны состояла в том, чтобы отвлекать турецкие войска от Палестины на защиту железной дороги в Хиджазе. Благодаря диверсионной деятельности Лоуренса в Хиджазе командующий египетской экспедиционной армией генерал Эдмунд Алленби успешно добился побед в Газе и Беэр-Шеве, которые в конечном счете привели к захвату Иерусалима в декабре 1917 г. Лоуренс присоединился к победному пешему вступлению Алленби в Священный город – это были первые солдаты-христиане, которые овладели городом со времен крестоносцев²².

Помимо попыток спровоцировать подрывные действия против англичан в Индии и на Ближнем Востоке, немецкие военные также спонсировали беспорядки в ближайших к Великобритании ее имперских владениях – Ирландии. На самом деле один из самых печально известных эпизодов с участием британской разведки за всю Первую мировую вой-

ну был связан с попытками Германии сколотить союз с ирландскими республиканцами-диссидентами. В годы войны отдел радиотехнической разведки британского адмиралтейства под кодовым названием «комната № 40» под руководством Реджинальда «Блинкера» Холла вырос численно и по своей значимости и успешно перехватывал и читал многие немецкие сообщения. Как и в отношении остальной части британского разведывательного сообщества, война изменила масштаб и характер британской SIGINT, введя в практику дешифровку сообщений такими способами, которые раньше не существовали в Британии. Одним из самых известных немецких сообщений, перехваченных в годы войны и распространенных «комнатой № 40», была так называемая «телеграмма Циммермана» в январе 1917 г., в которой министр иностранных дел Германии Артур Циммерман предлагал правительству Мексики шанс возвратить себе утраченные территории в Соединенных Штатах, включая Техас, Аризону и Нью-Мексико, если оно объявит войну США. И хотя общеизвестно, что телеграмма Циммермана явилась одной из причин вступления США в войну, роль, которую сыграла «комната № 40» в этом эпизоде, все еще недостаточно оценена в большинстве историй Первой мировой войны, несмотря на то что она обсуждалась историками разведки на протяжении свыше тридцати лет: «комната № 40» перехватила эту знаменитую телеграмму и передала ее властям США, которые затем публично разоблачили ее, утаив роль

британских дешифровщиков²³.

За два года после начала войны в 1914 г. дешифровщики из «комнаты № 40» расшифровали по крайней мере тридцать две немецкие телеграммы, имевшие отношение к ирландским националистам. Самые важные из них имели отношение к Пасхальному восстанию в апреле 1916 г. и помощи, оказанной Германией сосланному ирландскому деятелю национально-освободительного движения сэру Роджеру Кейсменту в проведении восстания в Дублине. Усилия «комнаты № 40» по их расшифровке дали правительству Великобритании информацию о восстании и оружии, поставляемом Германией Ирландии. По информации, предоставленной «комнатой № 40» в апреле 1916 г., Королевский военно-морской флот перехватил подводную лодку, перевозившую Кейсмента в Ирландию, до того как он выполнил свою миссию. В конечном счете Кейсмент был казнен англичанами в Дублине в августе 1916 г. Во время своего тюремного заключения он умолял британские власти позволить ему связаться с вождями восстания и убедить их отказаться от своих планов. Но кажется сомнительным, что, даже если бы он и действовал таким образом, это помешало бы совету Ирландского республиканского братства действовать. Более того, теперь мы знаем, что сомнительные «Дневники Кейсмента», страшные подробности которых, включая красочные описания гомосексуальных походов Кейсмента, были намеренно опубликованы «Блинкером» Холлом с це-

люю очернить имя Кейсмента во время суда над ним, были не фальшивкой, состряпанной англичанами, как утверждали многие ирландские националисты и тогда, и сейчас, а подлинными. Попытки правительства Германии подстрекать к действиям антибританскую «пятую колонну» в Ирландии – вести закулисные интриги в Англии – были стратегией, которую спустя поколение повторил Гитлер во Второй мировой войне²⁴.

Если британское тайное государство быстро расширялось в годы Первой мировой войны, то послевоенные годы увидели такое же быстрое сокращение его ресурсов. Бюджеты и МИ-5, и SIS были урезаны, и штат МИ-5 сократился с 844 служащих в 1918 г. до 25 в 1925 г. Следует подчеркнуть, что истощающиеся финансы британского тайного государства после 1918 г. были ярким контрастом по отношению ко многим государствам послевоенной Европы, которые обратились к различным формам кровавого авторитарного режима. В Советской России, фашистской Италии и нацистской Германии штат тайной полиции быстро расширялся, а ее руководители применяли к своему населению даже в мирное время такие приемы, наработанные во время Первой мировой войны, как массовая регистрация и задержание. В то время как в период 1914–1918 гг. британское правительство интернировало по крайней мере 32 тысячи «враждебных иностранцев» из соображений безопасности главным образом по рекомендации МИ-5, такие радикальные методы

в Великобритании применялись только как «чрезвычайные меры». Однако в тоталитарных государствах – нацистской Германии и Советской России, которые реально воевали все это время и проводили среди населения мобилизацию по законам военного времени, – применялись меры безопасности военного времени, даже когда наступил мир. Глава немецкой разведывательной службы в годы Первой мировой войны Вальтер Николаи резюмировал эту точку зрения, когда писал, что для того, чтобы Германия снова стала мировой державой, она должна вести себя так, будто она находится в «состоянии войны в мирное время», и собирать разведывательную информацию обо всех своих врагах как внутри страны, так и за ее пределами. В противоположность этому финансы британского тайного государства были урезаны так радикально в послевоенные годы, что к 1925 г. МИ-5 перехватывала в общей сложности лишь двадцать четыре почтовых и телефонных отправления во всей Великобритании. Ее штат к 1929 г. состоял из всего лишь шестнадцати служащих, и, как гласит собственная история МИ-5, ее финансирование было в 1920-х гг. настолько недостаточным, что ее деятельность «сократилась до минимума». Между 1919 и 1931 гг. МИ-5 получила функцию расследовать подрывную деятельность в британских вооруженных силах²⁵.

Несмотря на сокращение финансирования на протяжении 1920-х и 1930-х гг., МИ-5 продолжала гордиться своими обязанностями в империи, полученными ею во время

Первой мировой войны. В межвоенные годы подавляющая часть обязанностей МИ-5 была сфокусирована на угрозе, которую представлял собой Советский Союз. Оглядываясь на прошлое, можно увидеть, что МИ-5 и SIS неверно оценили и запоздало отреагировали на растущую угрозу, которую стала представлять нацистская Германия после прихода к власти Гитлера в 1933 г. И все же сосредоточение усилий МИ-5 на Советском Союзе вряд ли было нелогичным. Вскоре после большевистской революции 1917 г. Советский Союз стал такой же империей, как и бывшая царская Россия, которую он сменил, и представлял собой такую же угрозу для Британской империи. Придя к власти, Ленин немедленно дал обещание поддерживать всемирную революцию против империализма, который, как известно, он назвал «наивысшей формой капитализма». Угрозу, которую представлял собой Советский Союз Британской империи, раскрыл глава разведывательного бюро в Дели сэр Дэвид Петри, который в дальнейшем стал генеральным директором МИ-5 с 1941 по 1946 г. В конце 1920-х гг. он написал засекреченную официальную историю «Коммунизм в Индии, 1924–1927 гг.», хождение которой было ограничено небольшим количеством высокопоставленных британских чиновников в Лондоне и Дели. Петри предупреждал, что Советский Союз представляет собой двойную угрозу для Британской империи особенно в Индии: советская экспансия была стратегической угрозой традиционной большой игре с Россией, но

также представляла собой и угрозу разрушительную, так как Москва поддерживала антиколониальные движения внутри Британской империи. Как оказалось, прогноз Петри был поразительно точен: на протяжении более семи десятилетий, последовавших за захватом большевиками власти в 1917 г., с перерывом только на Вторую мировую войну Советский Союз стал главным помощником антиколониальных движений в Британской империи и других европейских колониальных империях. Поэтому реальность была такова, что на протяжении 1920-х и 1930-х гг. правительство Великобритании было занято ведением холодной войны на нижнем уровне задолго до холодной войны, начавшейся после 1945 г.²⁶

В период между войнами британские вооруженные силы (сухопутные войска, Королевский военно-морской флот и Королевские военно-воздушные силы) содержали разведывательные отделы, которые сосредоточивали свои усилия на империи и странах Содружества. Однако именно МИ-5 отвечала за общую безопасность империи, поддерживая прямые контакты с руководством британской разведки в Индии – разведывательным бюро в Дели (DIB), или, как ее еще называли, разведывательным бюро (IB), через небольшую лондонскую организацию под названием Индийская политическая разведка (IPR). Официально IPR входила в состав министерства по делам Индии, которое определяло ее бюджет, но начиная с 1925 г. она переместилась в штаб-квартиру МИ-5 по адресу Кромвель-Роуд, 25 в Лондоне, напро-

тив Музея естественной истории. Офисная площадь, которую МИ-5 сдала внаем IPI (по расценкам, которые IPI часто считала непомерными), была по любой оценке жалкой: она состояла из трех маленьких, слабо освещенных, неопрятных помещений с низкими потолками на верхнем этаже штаб-квартиры МИ-5. По словам руководителя IPI сэра Филиппа Викери (Лондонский клуб: «Восточная Индия»), эти помещения были такого плохого качества «с минимумом света и воздуха», а половина основного помещения была «в темноте» и почти «непригодна для работы». IPI выделялось такое скудное финансирование из военного министерства, что в 1926 г. в ней работала лишь горстка сотрудников в Лондоне, которым были приданы три секретаря, один клерк и одна машинистка; и, помимо нескольких офицеров связи в Индии, лишь два ее сотрудника находились за границей в других местах – в Париже и Женеве. Этот малочисленный штат представлял собой официальный канал, обеспечивающий безопасную передачу разведанных между британской разведкой и властями в Индии. Насколько плохо была оснащена IPI, можно увидеть из отчета 1927 г.: Викери приходилось выбивать средства на покупку «одной дополнительной люстры» для канцелярии IPI, расположенной в мезонине, за которую в конечном итоге Департамент труда отказался платить. Когда МИ-5 переехала в новое здание – «Дом на Темзе» на набережной Миллбэнк у Ламбетского моста, – IPI переехала вместе с ней, хотя ее новые помещения не стали

лучше, чем раньше²⁷.

Несмотря на скудные финансы, имевшиеся в ее распоряжении, работа с МИ-5 под одной крышей дала возможность IPI тесно сотрудничать с другими подразделениями британской разведки. На протяжении 1920—1930-х гг. МИ-5 и IPI продолжали контролировать деятельность индийских революционеров в Великобритании. Их главными объектами все в большей степени становились шпионы коммунистов, которые разъезжали между Великобританией и Индией по поручению Коммунистического Интернационала (Коминтерна) — подпольной сети, которую Москва создала в марте 1919 г. как средство экспорта «революции рабочих» из Советского Союза в зарубежные страны. Расследования МИ-5 и IPI были сосредоточены на выявлении шпионов, которые выступали в роли тайных курьеров Коминтерна, передавая информацию между Коммунистической партией Великобритании и коммунистическими ячейками в Индии. Главным следственным механизмом, на который они опирались, был ордер министерства внутренних дел (HOW), который позволял перехватывать телефонные переговоры и почтовые отправления. В отличие от SIS, которая действовала за границей и нелегально собирала информацию в зарубежных странах, МИ-5 и IPI работали в Великобритании и империи и были ограничены законом, который не применялся к SIS. Так обстояли дела, хотя в те времена МИ-5 (и IPI) не обладала никакими полномочиями ни по уставу, ни по общему праву,

которые позволяли ей перехватывать почтовую корреспонденцию. Несмотря на свое существование в теневом правовом потустороннем мире, как показывают документы МИ-5, она изо всех сил старалась действовать в юридических, если не легальных рамках.

Чтобы получить NOW, МИ-5 нужно было обращаться в министерство внутренних дел с письменным объяснением причин необходимости этого ордера, и только потом его подписывал министр внутренних дел. На NOW требовалось большое финансирование, поэтому в 1920-х гг. по ним работали мало. Реальный перехват сообщений осуществлял небольшой секретный отдел Главпочтамта (GPO), известный как «отдел особых цензоров», служащие которого подписывали Закон о государственной тайне. Работа этого отдела была утомительной и далеко не привлекательной: в его рабочем помещении стоял ряд чайников, которые постоянно кипели, а водяной пар использовали для вскрытия писем, после чего их содержание фотографировали, затем их запечатывали снова и отправляли адресатам. Некоторые из этих перехваченных сообщений, которые в настоящее время можно найти среди документов МИ-5, содержат информацию о частной жизни людей, представлявших интерес для МИ-5, и их более широкий социальный анамнез, который не найти ни в каком другом архиве. Телефонные разговоры также перехватывали в GPO, где в штате центральной коммутационной станции в Паддингтоне (Лондон) имелась

небольшая группа стенографистов. В эту группу входили люди, говорившие на иностранных языках, особенно русские «белоэмигранты» (те, что были против большевиков), которые переводили телефонные разговоры с русского и других восточноевропейских языков.

Позже МИ-5 и GPO разработали инновационное приспособление на основе модифицированного граммофона, которое использовали для записи телефонных разговоров. Это приспособление позволяло механически добавлять диски для записи на записывающее устройство и снимать их с него или объединять в общий фонд, исключая нудную процедуру замены дисков вручную сотрудниками GPO²⁸.

Первым шпионом, которого МИ-5 выявила как курьера Коминтерна, был Перси Глейдинг, член Компартии Великобритании, который в 1925 г. поехал в Индию под вымышленным именем Р. Кохрейн. О поездке Глейдинга под прикрытием МИ-5 и IPI стало известно благодаря перехваченному сообщению с помощью NOW. В последующие годы он использовал свою секретаршу, симпатичную 25-летнюю блондинку по имени Ольга Грей, для доставки денег коммунистам в Индии. Однако Глейдингу и кому бы то ни было еще в Компартии Великобритании не было известно, что Ольга Грей была на самом деле агентом МИ-5, которую завербовал и внедрил в Компартию Великобритании в 1931 г. легендарный агент-связник МИ-5 Максвелл Найт – один из самых успешных контрразведчиков МИ-5 в XX в. Уйдя в от-

ставку из МИ-5 в должности руководителя в 1946 г., Найт сделал очень успешную карьеру радиоведущего под именем «дядя Макс», участвуя в детских радиопрограммах о природе. Согласно более позднему отчету о деятельности отдела Найта по работе с агентами – «секции М», проникновение Грей на протяжении шести лет в Британскую компартию было настолько успешным, что она достигла «завидного положения, когда агент становится предметом обстановки, так сказать: то есть когда люди, приходящие в офис, не замечают, есть там агент или его нет»²⁹.

Курьерская поездка Ольги Грей в Индию в 1935 г. с поручением Компартии Великобритании дала МИ-5 и IPI возможность понять, как агенты Коминтерна выходят на связь, а также выявила коммунистических агентов в Индии. Но эта поездка была чрезвычайно деликатной задачей для МИ-5, которая пошла на все, чтобы только не разоблачить ее. Как позднее вспоминал Максвелл Найт, поездка была настолько плохо организована Компартией Великобритании, что без помощи МИ-5 Ольга Грей вряд ли добралась бы до Индии.

Найт помог ей сочинить подходящую историю-прикрытие (будто бы она проститутка), чтобы все выглядело так, будто она не получала посторонней помощи, лишь выдумывая ее. Он также боялся, что если ее паспорт и другие бумаги на поездку будут оформлены слишком быстро, то ее руководители в компартии могут что-нибудь заподозрить. Поэтому ее кураторы в МИ-5 сделали так, что ее документы на ка-

кое-то время задержали, чтобы не вызвать подозрений. После поездки Грей сообщила МИ-5 о существовании большой советской шпионской сети, действующей в Великобритании. Ее главой был не кто иной, как Перси Глейдинг, а ее база находилась в Вулиджском арсенале в Лондоне, где Глейдинг работал механиком и вместе со своими агентами получал доступ к точной информации о британских вооружениях.

Напряжение, связанное с работой двойным агентом, сделало свое дело: у Ольги Грей случился по крайней мере один нервный срыв, так что в 1937 г. МИ-5 приняла решение покончить с советской шпионской сетью в Вулиджском арсенале и арестовать ее агентов. На судебном процессе, когда Глейдинга судили за шпионаж в Центральном лондонском уголовном суде в феврале 1938 г., Грей давала показания, находясь за ширмой, анонимно как «мисс Икс». Ее свидетельские показания помогли осудить его за работу на советскую разведку на шесть лет тюремного заключения. Судья поблагодарил ее за «необыкновенную смелость» и «большую услугу своей стране». Вскоре после этого она уехала в Канаду под новым именем³⁰.

Помимо сведений о советской шпионской сети в Индии и Великобритании, положение Ольги Грей в Компартии Великобритании – скромное, но в гуще событий – обеспечило ей, а значит, и МИ-5, уникальный доступ к шифрам, которыми пользовалась компартия для отправки радиосообщений в Коминтерн в Европу. Ее информация помогла GC&CS –

первой официальной организации SIGINT Великобритании в мирное время, созданной в 1921 г., – расшифровать радиосообщения, которыми обменивались штаб-квартира Коминтерна в Москве и его многочисленные представители за границей, находящиеся в таких далеких друг от друга странах, как Китай, Австрия и Соединенные Штаты Америки. В GC&CS дали этому радиопотоку кодовое название «Маска», которое показало правительству Великобритании, что Москва тайно субсидировала Компартию Великобритании и ее газету «Дейли уоркер». В январе 1935 г. он же выявил существование тайного радиопередатчика в Уимблдоне к юго-западу от Лондона, который использовал член подпольной ячейки Компартии Великобритании для отправки сообщений в Москву. МИ-5 пристально следила за деятельностью этих выявленных агентов³¹.

МИ-5 и IPI установили личность и других курьеров Коминтерна, таких как член Компартии Великобритании Джордж Аллисон, он же Дональд Кемпбелл, который по наводке МИ-5 был арестован в Индии в 1927 г. за поездку по поддельному паспорту. Однако самым важным эпизодом непосредственного участия британской разведки в делах империи в то время было так называемое «дело о заговоре Мерута». Это был долго тянувшийся судебный процесс, который начался в Индии в 1929 г. И хотя их участие не афишировалось, МИ-5 и IPI представили главные доказательства попыток Коминтерна использовать агентов-коммунистов в

Индии с целью подстрекательства к волнениям в среде рабочих. В августе 1929 г. заместитель директора МИ-5 сэр Эрик Холт-Уилсон возглавил делегацию британских официальных лиц в Индии, чтобы представить суду доказательства и засвидетельствовать подлинность перехваченных документов, тем самым отменяя все возражения, которые могла выдвинуть защита, будто документами являются ненадежные слухи, которые нельзя принимать в расчет. В делегацию, которая путешествовала первым классом на корабле и поезде, входили пять представителей особого отдела лондонской полиции, а также начальник спецотдела цензоров GPO Фредерик Бут и Х. Берджесс – начальник группы в GPO, которая сфотографировала документы. Они поддерживали тесную связь с сэром Дэвидом Петри из IB в Дели, и, судя по существующим записям в IPI, GC&CS представила перехваченные сообщения, которыми обменивались Москва и коммунистическая ячейка, действовавшая в Индии³².

После представления доказательств на суде Меерута сэр Эрик Холт-Уилсон отправился в кругосветное путешествие, в ходе которого он установил связь с представителями служб безопасности от Гонконга до Нью-Йорка. Длительное путешествие Холт-Уилсона было тем более поразительным, что было предпринято в век, когда еще не было международных перелетов, когда поездка из Великобритании в Индию занимала недели. Более чем любой другой офицер МИ-5 в первой половине XX в., Холт-Уилсон по прозвищу «святой

Вилли» по причине своей сильной англиканской веры и ввиду того, что он был сыном приходского священника, нес ответственность за продвижение идеи, что МИ-5 – это имперское ведомство. В действительности он нередко называл ее Имперской службой безопасности. Холт-Уилсон вернулся в Индию в 1933 г. к завершению суда над Меерутом, который признал виновными ряд коммунистов-шпионов. По возвращении в Лондон в следующем году он прочел закрытую лекцию для сотрудников Лондонского особого отдела, в которой особо остановился на обязанностях МИ-5 в империи:

«Наша служба безопасности более чем государственная, она имперская. У нас есть официальные агентства, сотрудничающие с нами по непосредственным указаниям министерств по делам доминионов и колоний под контролем местных губернаторов и начальников местной полиции с целью исполнения законов по обеспечению безопасности в каждой стране – члене Британского Содружества.

Все это происходит под нашим руководством для исполнения наших обязанностей по обеспечению безопасности. Наш долг консультировать их по мере необходимости по всем мерам безопасности для целей обороны и гражданских целей и обмениваться информацией в отношении передвижения по империи людей, которые могут быть враждебны ее интересам с точки зрения безопасности»³³.

В 1938 г. Холт-Уилсон отправился в другое продолжительное путешествие за границу. Главной целью этой поездки

ки было провести смотр местных разведывательных и служб безопасности в Индии и ряда других колоний и доминионов и добиться того, чтобы уровни безопасности в них были адекватны потребностям замаячившей войны со странами оси. Однако во время поездки он сам продемонстрировал поразительное пренебрежение основными процедурами безопасности – он проявил уж точно гораздо меньшую осторожность, чем пытался привить колониальным властям, с которыми встречался. В нескольких сентиментальных любовных письмах, которые он послал в Англию открыто, без принятия мер безопасности, своей жене – дочери викария моложе его на двадцать лет, – Холт-Уилсон подробно описывал местных сотрудников разведки, с которыми он встречался, а также пытался рекламировать ей характер своей работы как рыцаря «плаща и кинжала». Если бы эти письма, найденные в его личных бумагах, хранящихся в настоящее время в Кембридже, были перехвачены странами оси, они раскрыли бы важную информацию о безопасности и разведке в Британской империи. Тот факт, что Холт-Уилсон, отличный охотник и в прошлом президент Лыжного клуба Великобритании, оказался несдержан, было удивительно для человека, карьера которого делала необходимой работу в тени. По его собственным словам, он был «победным выстрелом», а в официальной статье, которую он сочинил для *Who's Who*, он утверждал, что является генеральным директором «Имперской разведывательной службы безопасности», а также точ-

но, но высокопарно отмечал, что он автор довоенных документов и справочников «Обязанности сотрудников полиции по обеспечению безопасности в мирное и военное время». Не очень умно для высокопоставленного служащего разведки Великобритании Холт-Уилсон также поместил свой домашний адрес в статье для *Who's Who*³⁴.

В марте 1938 г. Холт-Уилсон приехал в Индию, где встретился с новым руководителем IB в Дели сэром Джоном Эвартом, которого он называл «К[Келл] Индии». Затем он отправился в Сингапур и Гонконг, где, как он сообщил своей жене, местные репортеры определили, что он имеет отношение к секретной работе. В Сингапуре он связался с работавшим там местным сотрудником МИ-5 полковником Э. Хейли Беллом, по нелестному отзыву Холта-Уилсона, «глухим сумасшедшим», глухота которого затрудняла тихое спокойное общение. Он также познакомился с дочерью Хейли Белла Мэри Хели Белл (позднее леди Миллз), которая в 1942 г. напишет популярную в военное время пьесу «Люди в тени» о группах сопротивления во Франции, которая привлекает внимание МИ-5 из-за того, что в ней раскрывались важные подробности путей эвакуации из оккупированной Франции. МИ-5 разрешила исполнять пьесу только после того, как указанные отрывки из нее были убраны. На обеде, устроенном в честь Холта-Уилсона во время его визита в Гонконг в апреле 1938 г., который официально носил название «инспекция оборонительных сооружений колонии», чтобы не

привлекать слишком большое внимание прессы, губернатор предложил тост за «добрый старый Дом на Темзе» (штаб-квартиру МИ-5), который остался непонятым всеми гостями за исключением его самого и Холта-Уилсона³⁵.

Ирландия была особенно важной вербовочной площадкой для офицеров колониальной полиции, многие из которых занимались вопросами разведки по всей империи. После того как по закону «Об Ирландском свободном государстве» Ирландии был дарован статус доминиона в 1921 г., поток бывших офицеров распущенной Королевской ирландской полиции (RIC) хлынул в индийскую и другие колониальные полицейские силы, особенно в Палестину, где они завоевали себе репутацию за строгую дисциплину и бесстрашие. Ирландия также была местом, ставшим образцом полицейских операций по подавлению волнений, и оставалась таковым в представлении британских военных на протяжении нескольких десятилетий. В 1934 г. генерал-майор сэр Чарльз Гвинн опубликовал важную книгу «Охрана порядка в империи» о малоинтенсивных конфликтах или «маленьких войнах». Извлекая уроки из Ирландии и тактики, которую использовали британцы для подавления индийского мятежа в 1850-х гг. и других восстаний индусов в Диншавае (1906) и Амритсаре (1919), Гвинн написал, что для того, чтобы быть эффективной, охрана порядка в колониях требовала применения необходимого минимума силы с целью восстановления гражданского правления в как можно более сжатые сро-

ки и тактики в виде движения войск колоннами с широким охватом против бунтовщиков. В то время как рекомендации Гвинна были, безусловно, полезными в Палестине в 1930-х гг., они оставили свой след на гораздо больший период, чем следовало, в сознании британских военных властей, которые продолжали применять эту тактику для подавления антиколониальных выступлений в послевоенные годы, когда они уже не соответствовали обстановке, потому что враги Великобритании в этих конфликтах не воевали с ней в открытую, используя определенные регулярные части. Во многом благодаря Гвинну существовала преемственность между тем, как британские военные подавляли антиколониальные восстания в Индии в 1860-х гг., и тем, как они справлялись с послевоенными восстаниями в таких странах, как Палестина, Малайя, Кения и Кипр³⁶.

Принцип «трех миль»

В 1931 г. правительство Великобритании наконец провело официальное разграничение между обязанностями МИ-5 и SIS. С самого своего создания этих двух служб в 1909 г., когда МИ-5 стала отвечать за внутреннюю безопасность и разведку, а SIS – за сбор разведывательной информации за границей, возникла путаница по вопросу: какой территории, внутренней или зарубежной, считать империю и страны Содружества. Этот нюанс в конечном счете был решен после яростной борьбы на Уайтхолле за влияние в делах разведки. В 1931 г. Лондонская полиция политической безопасности, возглавляемая эксцентричным сэром Бэзилем Томсоном, по сути, попыталась подмять под себя МИ-5. И хотя эта попытка была безуспешной, она привела к серьезному пересмотру темы разведки на Уайтхолле под руководством совершенно засекреченного комитета – Комитета секретных служб под председательством сэра Джона Андерсона, постоянного заместителя министра внутренних дел. Одна из рекомендаций этого комитета в июне 1931 г. состояла в том, чтобы обязанности МИ-5 были расширены. Начиная с того момента МИ-5 стала отвечать за все формы контрразведки, военной и гражданской (ранее ответственность ограничивалась выявлением шпионской деятельности в британских вооруженных силах), а несколько опытных офицеров были переведены из Лондон-

ской полиции политической безопасности в МИ-5, включая Гая Лиддела (будущего заместителя генерального директора МИ-5) и Милисента Бэгота (который обладал энциклопедическими знаниями о деятельности Коминтерна и считался прототипом героя романа Джона Ле Карре – эксцентричного советолога Конни Сакса). Одним из других главных решений, принятых Комитетом секретных служб, было то, что МИ-5 вменили в обязанность вести разведку в целях обеспечения безопасности на всех британских территориях, включая империю и страны Содружества, тогда как сфера деятельности SIS ограничивалась по крайней мере тремя милями за пределами территорий Великобритании. Иными словами, начиная с 1931 г. на расстоянии трех миль вокруг всех территорий Великобритании по всему миру, которые в те времена охватывали приблизительно четверть земного шара, была проведена демаркационная линия, выступавшая в роли официальной границы, разделявшей сферу ответственности МИ-5 и SIS³⁷.

После установления этой границы МИ-5 получила больше свободы действий, чтобы сосредоточиться на вопросах имперской безопасности, – отсюда и многочисленные поездки Холта-Уилсона за границу и его попытки продвигать ту точку зрения, что МИ-5 является имперской службой. На протяжении 1930-х гг. МИ-5 сотрудничала с IPI и IB в Дели с целью ведения плотного наблюдения за главными политическими вождями антиколониального движения в Индии, та-

кими как Неру, которого IPI считала – безошибочно – следующим после Ганди, «вторым самым влиятельным человеком в Индии». Всякий раз, когда Неру в 1930-х гг. отправлялся в Великобританию, что он делал несколько раз, МИ-5 контролировала его деятельность, часто с помощью NOW перехватывая его почтовую корреспонденцию и телефонные разговоры, и поручала Скотленд-Ярду посылать своих служащих под прикрытием на его публичные выступления. Судя по документам IPI, у этой организации был, по-видимому, источник информации, находившийся в окружении самого Неру, который получил важные сведения, имевшие отношение к смерти его жены от туберкулеза в 1936 г. в швейцарской больнице после поездки Неру в Великобританию. Информация, доходившая до IPI, включала распоряжения, которые семья Неру делала для организации похорон, а такие сведения, скорее всего, мог предоставить лишь информатор из близкого окружения Неру. МИ-5 и SIS также попытались следить за деятельностью агента Коминтерна Нарендры Натха Бхаттачарьи, известного как М.Н. Рой, но им не всегда это удавалось: по крайней мере один раз Рой сумел прибыть в Великобританию, не будучи обнаруженным. В то же самое время МИ-5 и IPI внимательно следили за деятельностью ведущего теоретика Компартии Великобритании и борца с колониализмом в Индии Раджани Пальме Датта, который выступил в роли агента Коминтерна, по крайней мере в одной из своих поездок в Индию. Они также держали под тщатель-

ным наблюдением младшего брата Датта Клеменса, который руководил «индийской секцией» Британской компартии, и даже обнаружили явочную квартиру, которой пользовался Клеменс для тайной связи с сочувствующими коммунистическому подполью. Более того, хотя ни одно конкретное до-сье еще не рассекречено, очень вероятно, что МИ-5 также работала вместе с SIS, чтобы отслеживать передвижения известного немецкого агента Коминтерна Вилли Мюнценберга, который свободно перемещался по Европе и даже выезжал за ее пределы и в 1927 г. организовал антиимпериалистическую конференцию в Брюсселе³⁸.

Однако утверждения МИ-5 в 1930-х гг. о том, что она является имперской службой, были больше желанием, чем действительностью, больше надуванием щек, нежели фактом. На протяжении этого десятилетия у нее в распоряжении были такие ограниченные финансы, что она никоим образом не могла играть значительную контролирующую роль в ведении политической разведки в империи в целом. Даже в 1938 г. ее штат в общей сложности составлял всего тридцать служащих, только двое из которых работали в ее контрразведывательном отделе, отделе В в Лондоне, то есть два офицера работали на переднем крае борьбы со шпионами стран оси в Великобритании, что уж говорить об империи. Однако поворотным пунктом участия британской разведки в делах империи стал конец 1930-х гг., когда МИ-5 оставила в прошлом свои старые методы работы и вместо того, чтобы про-

сто принимать разведывательную информацию из зарубежных колоний, впервые начала командировать своих офицеров на британские заморские территории. Эти офицеры были известны как офицеры по вопросам обороны и безопасности (DSO) и были приданы Штабу британского военного главнокомандования в британских колониях и других зависимых государствах. Их обязанности фокусировались на координации действий политической разведки в отношении деятельности Коминтерна, а по мере приближения Второй мировой войны – все больше на угрозе, которую представляли собой страны оси³⁹.

Первый DSO за границей был откомандирован в Египет. Египет получил независимость от Великобритании в 1935 г., но в своей манере, которая, как мы увидим, в последующие десятилетия будет повторяться на других британских территориях, правительство Великобритании выторговало для себя ряд выгодных соглашений, которые разрешали ее продолжительное присутствие в Египте. Начиная с 1935 г. британский военный штаб по делам Ближнего Востока размещался в Каире, и Лондон продолжал контролировать Суэцкий канал – стратегические ворота в Индию, – который после войны станет горячо обсуждаемой темой и одним из величайших провалов внешней политики Великобритании, означавшим окончательный закат британской имперской власти на Ближнем Востоке. Первым DSO МИ-5 в Египте был бригадир Роберт Монселл, до этого служивший в Индии, за назна-

чением которого в Египет в 1937 г. последовали назначения других DSO в Палестину и Гибралтар в 1938 г. Эти офицеры в военное время станут основой для работы МИ-5 на Ближнем Востоке, образовав подразделение, известное как Служба обеспечения безопасности на Ближнем Востоке (SIME), которое станет авангардом противодействия разведке стран оси в военные годы в этом регионе. После начала войны в 1939 г. МИ-5 увеличила количество своих DSO, постоянно работающих за границей, до шести человек: в Каире, Гибралтаре, на Мальте, в Адене, Сингапуре и Гонконге⁴⁰.

И хотя командирование МИ-5 DSO было переломным моментом в истории британской разведки (пусть даже всего шесть сотрудников постоянно работали за границей), МИ-5 по-прежнему явно не была имперской службой, какой себя позиционировала. Как отмечено в официальной истории британской разведки в годы Второй мировой войны, в 1939 г. МИ-5 была всего лишь «костяком» имперской Службы безопасности. За годы войны она по-настоящему стала имперской службой, на звание которой претендовала. Также именно война видоизменила участие самых крупных и самых секретных разведывательных служб Великобритании (GC&CS) в делах Британской империи⁴¹.

В довоенные годы МИ-5 претендовала на то, чтобы быть – но на самом деле ею не стала – службой *для* империи. Но даже на этом этапе она была службой *империи*. Явственнее всего это демонстрировала большая доля старших офицеров

МИ-5 в довоенные годы, которые начали свою карьеру в империи. Первый руководитель МИ-5 сэр Вернон Келл и его заместитель, который был им на протяжении двадцати восьми лет, сэр Эрик Холт-Уилсон, ранее принимали участие в британских колониальных войнах. Генеральный директор МИ-5 во время Второй мировой войны сэр Дэвид Петри тоже был старым колониальным кадром, являясь главой IB в Дели с 1924 по 1931 г., который на службе заработал шрамы (буквально) на ногах от ран, полученных во время взрыва, устроенного индийским революционером в 1914 г. Источники, которые Петри использовал для своей засекреченной официальной истории «Коммунизм в Индии», включали перехваченную корреспонденцию как индийских коммунистов, так и Коминтерна. Глава МИ-5 после Второй мировой войны сэр Перси Силлитоу аналогично делал до этого карьеру в колониальной полиции Южной Африки. Один из немногих довоенных британских штабных контрразведчиков Джон Карри прослужил в индийской полиции четверть века, прежде чем поступил на работу в МИ-5 в 1933 г. Карри был среди ограниченного круга людей в британской разведке и на Уайтхолле вообще, которые сознавали угрозу, исходившую от нацистской Германии после 1933 г., и предупреждали о ней. Ранее он написал историю индийской полиции, которая привлекла внимание сэра Дэвида Петри, и в 1945 г. он стал автором истории МИ-5, которая была рассекречена в настоящее время. Самый успешный следователь МИ-5 в военное

время Робин Стивенс «Оловянный глаз» (о нем в следующей главе) также был полицейским в Индии, как и семидесятилетний заместитель Генерального директора МИ-5 в военное время бригадир О.А. «Джаспер» Харкер, о котором известный агент КГБ Ким Филби позднее написал, что тот занимает свою должность в МИ-5 с приятным изяществом и больше ничем. Имея такие крепкие колониальные связи в довоенные годы, культура работы и взгляды сотрудников МИ-5, без сомнения, носили колониальный оттенок. Анализ резюме офицеров МИ-5 до Второй мировой войны демонстрирует, что у некоторых из них в качестве хобби фигурирует «забой свиней» – пережиток, оставшийся с колониальной службы в Индии, типа «розовый джин и поло». К тому же плата в МИ-5 в то время была такой небольшой, а многие ее высокопоставленные сотрудники, замученные слишком сильным знанием, независимо ни от чего были все же выходцами из состоятельных семей⁴².

Эти связи с Британской империей существовали не только у МИ-5, они также бросались в глаза и в остальных довоенных подразделениях британской разведки. На самом деле поразительное количество главных британских секретных агентов в те годы раньше служили в империи. Например, в SIS два самых влиятельных штабных офицера того времени были в прошлом офицерами полиции в Индии. Первым был Валентин Вивиан, известный друзьям как Ви-Ви, сын художника-портретиста времен королевы Виктории, который при-

шел на работу в SIS в 1925 г. после службы в индийской полиции и на базе IPI в Константинополе. У Вивиана был стеклянный глаз, который он пытался скрыть, становясь под прямым углом к тем, с кем разговаривал. Филби, который был заинтересован в том, чтобы выставить своих бывших коллег в SIS как можно более некомпетентными, изобразил его в своих мемуарах, спонсируемых КГБ, человеком, боявшимся своих подчиненных в SIS, и язвительно описал его как сотрудника, «у которого давно прошли лучшие времена – если они у него когда-нибудь были». Подчиненным Вивиана в довоенном отделе SIS, занимавшимся контрразведкой (отдел V), был Феликс Коуджилл, сын миссионера, который служил личным помощником Петри в IB в Дели. Колониальное прошлое Коуджилла дало ему, как выразился один из его коллег в военное время, «желтоватое лицо и замкнутый усталый вид, которые он приобрел после долгих лет службы в Индии». Филби ядовито называл его буйным и некомпетентным: «Его интеллектуальные таланты были скудны. Как офицеру разведки ему были свойственны отсутствие воображения, невнимательность к деталям и полнейшее незнание мира, в котором мы вели борьбу», но даже Филби признавал, что Коуджилл обладал «дьявольской работоспособностью», иногда трудясь ночами напролет и ломая курительные трубки в щепки об каменную пепельницу на письменном столе. Было так или не было, но его, безусловно, эффектно обошел Филби, добившись в годы войны продвижения по службе в

SIS – с катастрофическими последствиями для британской разведки, как мы еще увидим⁴³

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.